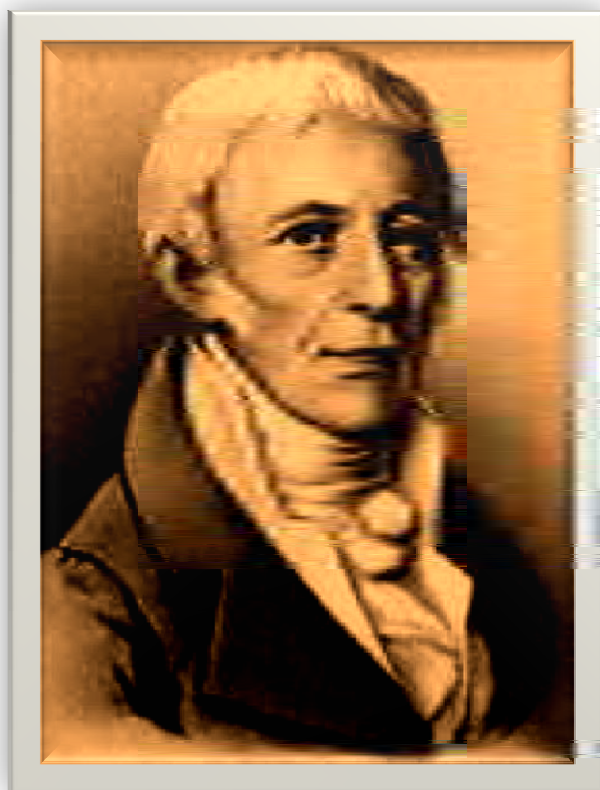

АЮР КИРУСС

«Ламарк и его эволюционные представления».

1. Краткая биография Ламарка.

Ламарк, чье полное имя звучит следующим образом - Жан-Батист-Пьер-Антуан де Моне, шевалье де Ламарк родился **1 августа 1744** года в **Базентин-ле-Петит**. Его отец носил баронский титул и был лейтенантом пехотных войск, будущий основоположник нового эволюционного учения стал одиннадцатым ребенком в семье. Его отец хотел что бы сын стал священником и поэтому в молодости Ламарк был послан в Амьен, в иезуитскую школу. Но когда его отец умирает в 1760-м году, Ламарк отказывается от богословской карьеры и записывается в армию. Он служил в течение 7-ми лет, до 1768 года. Когда его полк длительное время стоял в Ривьере, Ламарк заинтересовался растениями. Поэтому, уволившись в возрасте 25-ти лет из армии, он начинает изучать медицину и ботанику. Вскоре он полностью посвящает себя изучению ботаники и становится служащим королевского ботанического сада. Ламарк, Жан Батист — автор наименований ботанических таксонов⁰, в ботанической (бинарной) номенклатуре эти названия дополняются сокращением «Lam.

Через девять лет, на основе обширной коллекции собраной им, Ламарк издает трехтомный труд под названием «**Французская Флора**» (1778). Ботаника¹ в это время становилась очень популярной среди широкой публики, труд Ламарка, по существу представляющий из себя определитель растений, произрастающих во Франции, завоевал ему широкую известность. Благодаря тому, что в «Французской Флоре» содержались некоторые новые идеи относительно систематики растений, Ламарк был выбран в члены Французской Академии, в которой в то время могло быть только строго 42 члена. В течение последующих 2-х лет Ламарк путешествует по Центральной Европе, собирая новые образцы растений и посещая ботанические сады и учебные заведения. До 1789 года он работал главным смотрителем королевского гербария, а также составлял статьи касающиеся ботаники для знаменитой Энциклопедии.

В 1789 году произошла революция и королевская естественноисторическая коллекция прекратила свое существование. Ламарк обратился к Национальному Собранию с речью. Он заявил, что существующие в то время музеи, представляющие из себя кабинеты, где в случайном порядке были собраны разные диковинки, собранные состоятельными любителями, несмотря на лучшие побуждения создателей таких музеев, не отражают достижений науки того времени и не способствуют ее развитию. Он призвал Собрание способствовать созданию большого национального естественноисторического музея.

По мнению Ламарка такой музей не должен быть похож на старые, где камни, чучела животных и редкие растения были представлены в полном беспорядке. Он предложил разбить все музейные объекты на группы: минералы, растения, животные. Каждая из этих групп должна была быть разбита на классы, порядки, семейства и рода, близкие систематические группы должны быть представлены рядом друг с другом. Все объекты в систематическом порядке должны были быть внесены в специальный каталог, а сам музей должен быть важным подспорьем для систематиков и биологов. Таким образом Ламарк стал одним из основоположников современной музейной системы, когда все объекты расположены в строгом систематическом порядке, а надзор над коллекцией, и ее обновление осуществляет квалифицированный специалист.

В 1793 году был основан Национальный Музей Естественной Истории. В этом заведении Ламарк получил должность главы раздела беспозвоночных, основой экспозиции стала собранная им до этого коллекция. Он был первым, кто поместил некоторые живущие сейчас и ископаемые организмы в одни систематические группы.

Развитие науки в конце 18 века подошло уже к той ступени, когда такие дисциплины как химия, физиология, ботаника и т.п. достигли такого развития, что стали во всей своей полноте доступны лишь специалистам. Ламарк понимал, что состояние науки 18 века, когда каждый образованный человек мог знать абсолютно все, известное людям в области науки проходят.

Пытаясь предотвратить распад науки на отдельные отрасли и потерю связи между ними, он пишет ряд трудов, посвященных созданию обобщенного взгляда на физику, химию, биологию, геологию и т.п.

Первая из таких работ посвящена рассуждениям о природе материи и энергии и носит название «Исследование причин основных физических явлений, особенно касающихся горения» (1794), за которой последовала «Опровержение пневматической теории или новая доктрина современной химии» (1796). Однако в этих работах, основанных скорее на философских рассуждениях, чем на эмпирических исследованиях, Ламарк не выдвинул ничего нового, кроме некоторых ошибочных положений.

В своем труде «Гидрогеология» (1802) Ламарк представляет историю Земли как серию затоплений суши океаном и последующих его отступлений. Во время затоплений происходит отложение органогенных осадков и рост континентов. В этой книге Ламарк предвосхитил некоторые методы современного фациального анализа и расширил временные рамки геологической истории, которые в 18 веке считались довольно узкими, не превышающими несколько тысяч лет. Однако эта работа Ламарка, как и две прошлые не получила широкой известности.

В 1800 году Ламарк издал книгу «Систематическая биология беспозвоночных». В ней он подверг критике систему классификации беспозвоночных Линнея² и предложил свою собственную. При создании этого труда Ламарк пользовался богатой коллекцией, собранной им за 30 лет жизни. Поэтому в нем он опирался в основном не только на рассуждения, как обычно, а также на богатый фактический материалы и исследования. При проведении классификации, Ламарк главным критерием сделал гомологичность внутренних органов, что позволило ему избежать многих ошибок, сделанных Линнеем, у которого те или иные организмы были отнесены к одной группе только на основании внешней схожести и в один систематический раздел попадали моллюски и черви и т.п. Систематика беспозвоночных, предложенная Ламарком была основной до конца 19 века, и большая часть ее черт существует и сейчас. Биологии и систематики беспозвоночных были посвящены и следующие его работы «Система беспозвоночных животных или общая таблица классов» (1801) и «Естественная история беспозвоночных животных» (1815-22), в которой в частности излагались соображения ученого по поводу устройства естественных музеев. Вообще в области систематики беспозвоночных Ламарк добился серьезных успехов и фактически стал основоположником этой отрасли знаний. Эволюционные идеи Ламарка содержатся в отдельных частях его трудов, посвященных физиологии и общей биологии: «Исследование о строении живых тел» (1802) и «Философия зоологии» (1809). На них мы остановимся ниже.

Ученый умер в 1829 году, слепым и в бедности.

2. Предпосылки эволюционных воззрений Ламарка.

Первым важным фактором, оказавшим на идеи Ламарка большое воздействие, была его приверженность к деизму¹. Это философское течение возникло в начале 18 в. Его придерживались Вольтер³, Дидро⁴, Руссо⁵ и другие крупнейшие мыслители эпохи просвещения. Основные положения этой теории таковы: бог есть, но на жизнь людей и вообще на то что творится в мире он не оказывает никакого влияния. Бог создал материю и законы природы, по представлениям 18 в. законы движения. Далее материя под влиянием

¹ Деизм (от лат. deus, «бог») — философское учение, признающее божество началом и основой всех вещей, но (в противоположность теизму) отрицающее личного Бога, откровение и Промысел, и вообще богословское, догматическое учение. Иными словами, согласно деизму, Бог, сотворив мир, не принимает в нём дальнейшего участия и не вмешивается в закономерное течение событий. Деизм не допускает других путей к познанию Бога, кроме разума. Родоначальником деизма считается лорд Герберт Чербери (1583—1648). Наибольшего расцвета деизм достиг в эпоху Просвещения. Большой вклад в распространение деизма внёс Орден иллюминатов.

этих законов развивается уже сама. Таким образом бог выступает как бы в роли программиста, который написал программу, но далее программа действует уже сама по себе, без всякого вмешательства извне. То есть Ламарк был материалистом, но в то же время с сильной примесью идеализма. Бог мог создать законы физики, но также и некие таинственные законы стремления материи к совершенству. Ламарк перенес эти свои воззрения в область биологии.

К началу 19 века, то есть ко времени, когда Ламарк писал свои книги все идеи, имеющиеся в его теории уже были кем-либо выдвинуты. Ламарк лишь как бы связал их воедино и создал на их основе целостную теорию. Этими идеями были:

- ❖ мысль об изменчивости видов под влиянием внешних условий
- ❖ мысль об изменении видов под влиянием упражнения и неупражнения органов
- ❖ идея об образовании видов в результате скрещивания двух других видов
- ❖ идея об общих родоначальных формах для определенных групп видов
- ❖ допущение о возможности резкого превращения одних организмов в другие (например рыб в птиц)
- ❖ идея естественного возникновения организмов путем самозарождения
- ❖ идея о значении фактора времени в эволюции
- ❖ идея об иерархии и последовательности форм, т.н. «Лестнице существ»
- ❖ идея единства плана строения разных организмов
- ❖ идея отбора.

3. Эволюционные воззрения Ламарка.

Основой воззрений Ламарка, как уже говорилось, стало положение о том что материя и законы ее развития были созданы творцом. Ламарк проанализировал сходства и различия между живой и неживой материей и перечислил их. Важнейшим из таких отличий является способность реагировать на внешние раздражители. Ламарк осознал что живая материя устроена гораздо сложнее чем мертвая, но все же не признавал за ней способности к жизни. По его мнению причина жизни лежит не в самом живом теле, а во вне его.

Внешнее по отношению к живому организму пространство как бы пронизано какими-то вездесущими, тонкими и неуловимыми флюидами, которые соприкасаясь с особой организацией материи (с живой материей) поддерживают в ней жизнь. Если живая материя разрушается, то флюиды² уже не могут поддерживать в ней жизнь. У сложноустроенных организмов влияние этих флюидов происходит через нервную систему. Таким образом живой организм напоминает нечто вроде радиоприемника, улавливающего радиоволны и работающего под их воздействием.

Жизнь, по мнению Ламарка, может самопроизвольно зародиться на Земле и продолжает зарождаться в настоящее время. В 17 веке существовали представления что для самозарождения мышей необходима темнота и зерно, а для самозарождения червей гнилое мясо. Однако успехи науки 18 века опровергли такие воззрения. Было замечено что черви в мясе не заводятся если его предварительно не посетили мухи и.т.п.

Тем не менее Ламарк полагает что глисты и кишечнополостные все же могут самозарождаться. Одноклеточные по его мнению способны к самозарождению абсолютно точно. Он считает что никто не может доказать того что все одноклеточные образовались только в результате деления других одноклеточных, а не зародились сами под влиянием тепла, влаги и электричества. По его мнению такое самозарождение происходит в природе постоянно.

² Флюид (от лат. fluidis — текучий)

Далее Ламарк предполагает, что все животные и растения имеющие более высокую организацию, чем одноклеточные, появились в результате длительного развития живых организмов.

Все организмы были поделены Ламарком на 14 классов и размещены на «лестнице существ» в следующем порядке:

Ступень 1 : классы Инфузурии и Полипы

Ступень 2 : Лучистые и Черви

Ступень 3: Насекомые и Паукообразные

Ступень 4: Ракообразные и Кольчецы

Ступень 5: Усоногие и Моллюски

Ступень 6: Рыбы, Рептилии, Птицы и Млекопитающиеся.

«Лестница существ» отображает эволюцию животного мира, а не статичную его картину, показывающую усложнение организации материи (как это было до Ламарка). Каждый последующий класс произошел из предшествующего и обладает более сложной организацией чем тот. Резкие скачки сложности организации, то есть то что сейчас называется араморфозом, были названы Ламарком градациями. По его мнению они вызваны внутренним стремлением живой материи к усложнению организации, такое стремление к совершенству является свойством материи, заложенным в нее создателем. Эти скачки происходят не в одночасье, на то что-бы они произошли требуется очень много времени.

Целостное единство представляют из себя только классы, в то время как виды, по мнению ученого, не представляют из себя дискретной единицы и находятся в постоянном движении и изменении.

Границ между видами по мнению Ламарка нет и переходы от одного вида к другому происходят постепенно.

В пределах одного класса изменение форм происходит под воздействием внешних условий. Такое изменение (что-то вроде того что сейчас называется идиоадаптацией) по мнению Ламарка состоит из следующих последовательных процессов:

- + Изменение условий внешней среды.**
- + Изменение потребностей животного.**
- + Изменение его действий.**
- + Выработка новых привычек.**
- + Упражнение органов, необходимых для выполнение этих привычек и неупражнение органов для этого ненужных.**
- + Изменение органов под влиянием длительного упражнения или неупражнения (**1- й закон Ламарка**).**
- + Закрепление изменений произошедших в организме в результате передачи их по наследству (**2-й . закон Ламарка**).**

Упражнение органов происходит в результате того, что к ним под воздействием воли животного происходит усиленный приток «жидкостей». Например предку жирафа необходимо достать листву с высокого дерева, он пытается вытянуть шею, туда

притекают «жидкости» и шея немного удляется, этот признак передается по наследству. Если необходимость в удление шеи происходит и потомков, то шея у животных в течении ряда поколений удляется очень сильно. Органы могут и появляться в результате такого притока жидкостей под влиянием воли животных, как например рога у оленей. Если органы не упражняются, как глаза у крота, то приток жидкостей к ним замедляется и органы постепенно атрофируются.

Такое направление притока «жидкостей» возможно лишь у высокоорганизованных животных. У низших животных и растений изменение органов возможно только непосредственно под воздействием внешних условий, например как изменение формы листьев у водного лютика под водой и над водой.

*Итак, как мы увидели, **Ламарк** внес существенный вклад в развитие **теории эволюции**.*

Во-первых, он создал первую целостную теорию, в которой скомпоновал многие правильные идеи, выдвинутые в течении 2-х веков до него. Его теория была во многом материалистическая, то есть не основанная на абстрагированных от действительности теологических и философско - идеалистических представлений.

Во вторых, в теории Ламарка ясно поставлен знак равенства между изменением организма и его стремлением приспособиться к окружающей среде. Конечно при уровне развития науки в начале 19 века, Ламарк не мог ответить на многие вопросы с материалистических позиций, а если и пытался делать это, то часто неправильно. Но все же теория Ламарка стала важной вехой в развитие представлений об эволюции и во многом предопределило его дальнейшее направление.

Список использованной литературы.

- БСЭ изд. 1952-57 гг.
- Ламарк Ж. Философия Зоологии т.2 М.1937
- Encyclopedia Britanica CD version 1997.
- Материал из Википедии — свободной энциклопедии

⁰ Таксон

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

Таксон (*лат.* **taxon**) — элемент таксономии, группа в классификации. Данное понятие преимущественно применяется в биологической систематике, где под таксоном понимают группу живых организмов, объединённых на основании принятых методов классификации.

В современных биологических классификациях таксоны формируют иерархическую систему: каждый таксон объединяет несколько подтаксонов, в свою очередь будучи одной из подгрупп группы более высокого уровня общности (например, род обычно объединяет некоторое количество видов и входит, наряду с другими родами, в состав семейства). С 1970-х гг. окончательно утвердилось положение о том, что таксонами следует считать только монофилетические группы. Три наиболее существенные характеристики таксона в современной биологической систематике суть объём, диагноз и ранг.

Ранг таксона

В классификации «отца систематики» Карла Линнея таксоны были выстроены в следующую иерархическую структуру:

Царство (лат. *regnum*) *Animalia* (животные)

Класс (лат. *classis*) *Mammalia* (млекопитающие)

Порядок (Отряд) (лат. *ordo*) *Primates* (приматы)

Род (лат. *genus*) *Homo* (человек)

Вид (лат. *species*) *Homo sapiens* (человек разумный)

Разновидность (лат. *varietas*)

Уровни этой иерархии получили названия рангов. Ранги (универсальные уровни иерархии, имеющие собственные названия) нашли отражение в классификации в конце XVII века, и с тех пор, несмотря на критику с теоретических позиций, составляют неотъемлемую часть таксономической практики. Со времен Карла Линнея количество рангов значительно возросло, сообразно детализации представлений ученых-систематиков о структуре биологического разнообразия.

Относительное указание рангов содержательнее абсолютного. Первое (относительное) отражает объективные представления о соподчиненности групп. Например, утверждение о том, что к семейству *Aidae* относятся роды *Aus*, *Bus* и *Cus*, по сути говорит о том, что три группы объединены в четвертую, и в принятой системе рангов речь идет об объединении трех родов в семейство. Второе (абсолютное) нередко отражает лишь субъективные представления о степени обособленности данной группы от других. Например, утверждение о том, что группу в составе *Aus*, *Bus* и *Cus* следует считать именно семейством *Aidae*, а не подсемейством *Ainae*, в отрыве от обсуждения вопроса о положении и иерархической соподчиненности этой группы в системе выглядит бессмысленным.

Объем таксона

Объем таксона может быть объективно задан путем перечисления организмов (или таксонов более низкого ранга). Нередко объем таксона в ходе исторического развития представлений о системе той или иной группы оказывается гораздо более устойчивым, чем его ранг. Так, печёночные мхи в разных системах растений рассматривались то как семейство, то как отдел или класс (при этом менялся лишь ранг группы, но не ее объем). Подобные таксоны, в отношении которых устоялись представления об объеме, но не о рангах, часто называют просто «основными группами».

Монофилия

В некоторых группах организмов филогенетические отношения окончательно не установлены. Теперь общепринято, что таксоны должны включать потомков и всех или нескольких предков, хотя аргументированность последнего требования всё более подвергается полемике. Естественный таксон — одна из таких групп, которые порождены в процессе эволюции. Такие группы монофилетичны. Искусственный таксон является результатом старого способа классификации (например по кажущейся схожести, появившейся в результате эволюции несхожих организмов), то есть такие таксоны полифилетичны или парафилетичны.

¹ Ботаника (др.-греч. βοτανικός — относящийся к растениям, от βότάνη — трава, растение), наука о растениях.

Предмет исследований

Ботаника охватывает широкий круг проблем: закономерности внешнего и внутреннего строения (морфология и анатомия) растений, их систематику, развитие в течение геологического времени (эволюция) и родственные связи (филогения), особенности прошлого и современного распространения по земной поверхности (география растений), взаимоотношения со средой (экология растений), сложение растительного покрова (фитоценология, или геоботаника), возможности и пути хозяйственного использования растений (ботаническое ресурсосведение, или экономическая ботаника).

По объектам исследования в ботанике выделяют фикологию (альгологию) — науку о водорослях, микологию — о грибах, лишенологию — о лишайниках, бриологию — о мхах и др.; изучение микроскопических организмов, преимущественно из мира растений (бактерий, актиномицетов, некоторых грибов и водорослей), выделяют в особую науку — микробиологию. Болезнями растений, вызываемыми вирусами, бактериями и грибами, занимается фитопатология.

Основная ботаническая дисциплина — систематика растений — разделяет многообразие растительного мира на соподчинённые друг другу естественные группы — таксоны (классификация), устанавливает рациональную систему их наименований (номенклатура) и выясняет родственные (эволюционные) взаимоотношения между ними (филогения). В прошлом систематика основывалась на внешних морфологических признаках растений и их географическом распространении, теперь же систематики широко используют также признаки внутреннего строения растений, особенности строения растительных

клеток, их хромосомного аппарата, а также химический состав и экологические особенности растений. Установление видового состава растений (флоры) какой-либо определенной территории обычно называется флористикой, выявление областей распространения (ареалов) отдельных видов, родов и семейств — хорологией (фитохорологией). Изучение древесных и кустарниковых растений выделяют в особую дисциплину — дендрологию.

В тесной связи с систематикой находится морфология растений, изучающая форму растений в процессе индивидуального (онтогенез) и исторического (филогенез) развития. В узком смысле морфология изучает внешнюю форму растений и их частей, в более широком — включает анатомию растений, изучающую их внутреннее строение, эмбриологию, исследующую образование и развитие зародыша, и цитологию, изучающую строение растительной клетки. Некоторые разделы морфологии растений выделяют в особые дисциплины в связи с их прикладным или теоретическим значением: орнитографию — описание частей и органов растений, палинологию — изучение пыльцы и спор растений, карпологию — описание и классификация плодов, тератологию — изучение аномалий и уродств (терат) в строении растений.

Различают сравнительную, эволюционную, экологическую морфологию растений.

Изучением растений в их взаимоотношении со средой обитания занимается ряд отраслей ботаники, иногда объединяемых под общим названием экология растений. В более узком смысле экология изучает влияние на растение среды обитания, а также разнообразные приспособления растений к особенностям этой среды. На земной поверхности растения образуют определенные сообщества, или фитоценозы, повторяющиеся на более или менее значительных территориях (леса, степи, луга, саванны и т. д.).

Исследованием этих сообществ занимается отрасль ботаники, называемая в России геоботаникой, или фитоценологией (за рубежом её часто называют фитосоциологией). В зависимости от объекта исследования в геоботанике выделяют лесоведение, луговоеведение, тундроведение, болотоведение и т. д. В более широком смысле геоботаника смыкается с учением об экосистемах, или с биогеоценологией, изучающей взаимоотношения между растительным покровом, животным миром, почвой и подстилающими почву горными породами. Этот комплекс называется биогеоценозом.

Распространение отдельных видов растений на поверхности земного шара изучает география растений, а особенности распределения растительного покрова на Земле в зависимости от современных условий и исторического прошлого — ботаническая география.

Наука об ископаемых растениях — палеоботаника, или фитопаалеонтология, имеет первостепенное значение для восстановления истории развития растительного мира. Данные палеоботаники имеют важнейшее значение для решения многих вопросов систематики, морфологии (включая анатомию) и исторической географии растений. Её данными пользуется также геология (историческая геология и стратиграфия).

Полезные свойства дикорастущих растений и возможности их окультуривания изучаются экономической ботаникой (хозяйственная ботаника, ботаническое ресурсоведение). С экономической ботаникой тесно связана этноботаника — учение об использовании растений различными этническими группами населения земного шара. Важный раздел прикладной ботаники — изучение дикорастущих родичей культурных растений, обладающих ценными свойствами (например, иммунитетом к болезням, засухоустойчивостью и т. д.).

Физиологию растений и биохимию растений не всегда относят к ботанике, поскольку многие физиологические и биохимические процессы, протекающие в растениях, аналогичны или даже тождественны процессам, протекающим в животных организмах, и изучаются сходными методами. Однако биохимия и физиология растений отличаются рядом специфических черт, исключительно или почти исключительно свойственных растениям. Поэтому разграничить физиологию и биохимию растений от собственно ботаники нелегко, тем более, что физиологические и биохимические особенности растений могут рассматриваться как таксономические признаки, следовательно, интересовать систематиков растений. Эти же особенности чрезвычайно важны для понимания проблем экологии и геоботаники, географии растений и ботанической географии, экономической ботаники и т. д. Генетика растений обычно также рассматривается как раздел общей генетики, хотя некоторые главы её (генетика популяций, цитогенетика) тесно связаны с систематикой, особенно биосистематикой, экологией растений и геоботаникой.

Границы между перечисленными выше разделами ботаники в значительной мере условны, так как их методы нередко перекрещиваются, а данные взаимно используются. Трудно определить место таких наук, как физиологическая анатомия и экологическая физиология, или отделить использование химических особенностей растений в систематике (хемотаксономика) от сравнительной биохимии растений; наряду с этим процессом идёт и весьма узкая специализация отдельных ботанических разделов.

Ботаника тесно связана со многими другими науками — с геологией через палеоботанику и индикационную геоботанику (использование признаков некоторых растений и их сообществ как индикаторов некоторых полезных ископаемых); с химией — через биохимию и физиологию, экономическую ботанику и фармакогнозию; с почвоведением и физической географией — через экологию и геоботанику; с техническими науками — через экономическую ботанику. Ботаника — естественноисторическая основа сельского и лесного хозяйства, зелёного строительства в городах, курортах и парках, она разрешает многие вопросы пищевой, текстильной, целлюлозно-бумажной, микробиологической, деревообрабатывающей промышленности. Однако важнейшая задача ботаники — изучение закономерностей развития и охраны среды обитания человечества — биосферы и прежде всего растительного мира — фитосферы.

Методы исследования

Ботаника пользуется как наблюдением, так и сравнительным, историческим и экспериментальным методами, включающими сбор и составление коллекций, наблюдение в природе и на опытных участках, эксперимент в природе и в условиях специализированных лабораторий, математическую обработку полученной информации. Наряду с классическими методами регистрации тех или иных признаков изучаемых растений используется весь арсенал современных химических, физических и кибернетических методов исследования.

Основные этапы развития ботаники

Как стройная система знаний о растениях ботаника оформилась к XVII-XVIII векам, хотя многие сведения о растениях были известны и первобытному человеку, так как жизнь его была связана с полезными, главным образом пищевыми, лекарственными и ядовитыми растениями.

Первыми книгами, в которых растения описывались не только в связи с их полезностью, были произведения греческих и других учёных-натуралистов. Римский натуралист Плиний Старший в своей «Естественной истории» привёл все известные его современникам сведения о природе; он упомянул около 1000 видов растений, описав их достаточно точно.

В России в XV-XVII веках переводят с греческого, латинского и европейских языков и переписывают описания лекарственных растений. В XVIII веке, положив в основу своей искусственной системы строение цветка, Линней разбил мир растений на 24 класса. Система Линнея не надолго пережила своего создателя, однако значение её в истории ботаники огромно.

XIX век ознаменовался интенсивным развитием естествознания в целом. Бурное развитие получили и все отрасли ботаники. Решающее влияние на систематику оказала эволюционная теория Ч. Дарвина. Характерные черты современного этапа развития ботаники — стирание граней между отдельными её отраслями и их интеграция. Так, в систематике растений для характеристики отдельных таксонов всё шире применяются цитологические, анатомические, эмбриологические и биохимические методы.

Разработка новых методов исследования, основанных на достижениях физики и химии, позволила решать задачи, недоступные ранее. Так, в результате использования электронного микроскопа, разрешающая сила которого по сравнению с другими оптическими приборами возросла в сотни раз, были выявлены многие новые детали строения растительной клетки, что с успехом используется не только в анатомии, но и в систематике растений.

Ботаническая номенклатура

Помимо принятой в биологии системы классификаций, ботаника как и другие поднауки биологии дополнительно различают виды на разновидности, подразновидности и формы.

В русской литературе вместо термина ботаническая номенклатура принято употреблять словосочетание бинарная номенклатура, в зоологической литературе получило распространение словосочетание биномиальная номенклатура.

Литература

Большая Советская Энциклопедия

Очерки по истории русской ботаники, М., 1947;

Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь, сост. С. Ю. Липшиц, т. 1-4, М., 1947-56;

Базилевская Н.А., Мейер К.И., Станков С.С., Щербакова А. А. Выдающиеся отечественные ботаники. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Мин. просв. РСФСР, 1957

Развитие биологии в СССР, М., 1967, с. 21-158, 695—709;

Базилевская Н. А., Белоконь И. П., Щербакова А. А., Краткая история ботаники, М., 1968;

Mobius M., Geschichte der Botanik, Jena, 1937;

Reed H. S., A short history of the plant sciences, Waltham (Mass.), 1942;

Barnhart J. H., Biographical notes upon botanists, v. 1-3, Boston, 1966.

Общие работы

Ботанический атлас, под ред. Б. К. Шишкина, М.-Л., 1963;
Жуковский П. М., Ботаника, 4 изд., М., 1964;
Ботаника, под ред. Л. В. Кудряшова, 7 изд., т. 1, М., 1966;
McLoan R. C., Ivimey-Cook W. R., Textbook of theoretical botany, v. 1-3, L., 1951-67;
Němec B., Pastyrik L., Všeobecná botanika, 3 vyd., Bratislava, 1963;
Sinnott E.-W., Wilson K. S., Botany: principles and problems, 6 ed., N. Y., 1963;
Guttenberg H., Lehrbuch der allgemeinen Botanik, 6 Aufl., B., 1963;
Encyclopedie du monde vegetal. Dir. F. Vallardi, t. 1-3, P., 1964;
Botanika, red. K. Steckiego, Warsz., 1966;
Lehrbuch der Botanik für Hochschulen, 29 Aufl., Jena, 1967;
Hill J. B., Botany, 4 ed., N. Y., 1967.

Словари и справочники

Викторов Д. П., Краткий словарь ботанических терминов, 2 изд., М.-Л., 1964;
Словник — довідник з ботаніки, за ред. І. П. Білоконя, О. Л. Липи, К., 1965;
Font y Quer P., Diccionario de botanica, Barcelona, 1953;
Usher G., A dictionary of botany, L., 1966;
Schubert R., Wagner G., Pflanzennamen und botanische Fachwörter, 4. Aufl., Radebeul, 1967;
Uphof J. C., The dictionary of economic plants, 2 ed., Wurzburg, 1968.

Библиография

Лебедев Д. В., Введение в ботаническую литературу СССР, М.-Л., 1956;
Левин В. Л., Справочное пособие по библиографии для биологов, М.-Л., 1960, гл. 7;
Fortschritte der Botanik, Bd 1-, B., 1932-(Ежегодные обзоры мировой ботанич. литературы).

² Карл Линней (швед. Carl von Linné (дворянство с 1761 г.), лат. Carolus Linnaeus; 23 мая 1707, Росхульт (швед. Rashult) — 10 января 1778, Упсала) — шведский врач и натуралист, заложивший основы научной классификации живых организмов. Наиболее известен тем, что ввел в практику систематики так называемые «*nomina trivialia*», ставшие основой современной биноминальной номенклатуры. Член Королевской академии наук Швеции (с 1739), Парижской академии наук (с 1762) и ряда других научных обществ и академий.

Краткая биография

Детство и годы учёбы

Карл Линней (Линнеус) родился в семье пастора Нилса Ингемарссона Линнеуса (1674—1748) и Христины Линней (1688—1733). Как старший сын, он должен был унаследовать приход отца, однако увлечение ботаникой и натуральной историей, возникшее в годы обучения в гимназии, привело его на медицинский факультет.

После обучения в низшей грамматической школе (1716—24) и гимназии (1724—27) в Вэкшё Линней отправился в Лундский университет. После года обучения в Лунде он перешёл в Упсальский университет (в августе 1728 г.). В Упсале Линней познакомился со своим сверстником, студентом Петром Артеди, вместе с которым они начали работу по критическому пересмотру естественноисторических классификаций, существовавших к тому моменту. Линней преимущественно занимался растениями в целом, Артеди — рыбами и зонтичными. С 1730 г. Линней приступил к преподаванию как демонстратор в ботаническом саду университета под началом профессора Олофа Рудбека-младшего. 12 мая 1732 г. Линней отправился в путешествие в Лапландию, откуда возвратился только осенью, 10 октября, с коллекциями и записями. В 1732 г. вышла в свет *Florula lapponica* (краткая флора Лапландии, в которой впервые появляется в печати так называемая половая система растений из 24 классов, основанная на строении тычинок и пестиков). В университетах Швеции в этот период не выдавали дипломов доктора медицины, и Линней, не имея докторского диплома, не мог далее заниматься преподаванием в Упсале. Под рождество 1733 г. Линней перебрался в Фалун, где начал преподавать пробириное искусство и минералогию. Там же в январе 1735 г. он встретился со своей будущей женой Сарой Лизой Морей, дочерью городского врача.

Голландский период

Весной 1735 г. Линней отправляется за докторским дипломом в Голландию, сопровождая одного из своих учеников. Перед прибытием в Голландию Линней посетил Гамбург. 23 июня он получил степень доктора медицины в университете Гардевика за диссертацию о причинах перемежающейся лихорадки (малярии). Из Гардевика Линней направляется в Лейден, где опубликовал небольшое сочинение *Systema naturae*, которое открыло ему дорогу в круг учёных врачей, натуралистов и собирателей Голландии, обращающихся вокруг профессора Лейденского университета Германа Бургава, пользовавшегося европейской известностью. В августе 1735 г. Линней при протекции друзей получил место смотрителя

коллекций и ботанического сада бургомистра Амстердама и директора Голландской Ост-Индской компании Джорджа Клиффорда. 27 сентября 1735 г. близкий друг Линнея Петр Артеди утонул в канале в Амстердаме, где он работал, приводя в порядок коллекции Алберта Себы. Позже Линней опубликовал труд Артеди по ихтиологии и использовал его предложения по классификации рыб и зонтичных в своих работах.

Август 1735 — май 1739 гг., проведённые Линнеем в Голландии, — один из самых продуктивных периодов его научной биографии. За это время вышли его основные сочинения: помимо первого издания *Systema naturae* (Система природы), Линнею удалось опубликовать *Bibliotheca Botanica* (систематический каталог литературы по ботанике), *Fundamenta Botanica* (сборник афоризмов о принципах описания и классификации растений), *Musa Cliffortiana* (Описание банана, растущего в саду Клиффорда, в котором Линней публикует один из первых набросков естественной системы растений), *Hortus Cliffortianus* (описание сада Клиффорда), *Flora Lapponica* (Лапландская флора), *Genera plantarum* (характеристики родов растений), *Classes plantarum* (сопоставление всех известных на тот момент систем растений с системой самого Линнея и первая публикация естественной системы растений Линнея в полном объёме), *Critica botanica* (свод правил по образованию имен родов растений). Летом 1736 г. он посетил Англию, где встретился с известными ботаниками того времени, Гансом Слоаном и Йоханом Якобом Диллениусом. В мае 1739 г. Линней отправился в Швецию, по пути посетив Париж, где встречался с ботаниками братьями Жюссье.

Зрелые годы в Стокгольме и Упсале

В июне 1738 г. Линней открыл медицинскую практику в Стокгольме и заключил помолвку с Сарой Лизой Морей, а через год женился на ней. В Стокгольме, помимо практики, он преподавал в горном училище и принял участие в образовании Королевской академии наук (1739), первым председателем которой он и стал.

В октябре 1741 г. Линней вступил в должность профессора медицины в Упсальском университете, в котором он и проработал до конца жизни. Положение профессора позволило ему сосредоточиться на писании книг и диссертаций по естественной истории. Из наиболее значимых публикаций этого периода следует отметить *Philosophia botanica* (учебник ботаники, переведенный на многие европейские языки и остававшийся образцом для других учебников до начала XIX в.), *Species plantarum* (Виды растений, принятые за исходный пункт ботанической номенклатуры), 10-е издание *Systema naturae* (принятой за исходный пункт зоологической номенклатуры), *Amoenitates academicae* (Академические досуги: собрание диссертаций, написанных Линнеем для своих студентов и отчасти самими студентами). В 1758 г. Линней приобрёл загородный дом в местечке Хаммарбю близ Упсалы (ныне Линнеевское Хаммарбю), который стал его летним поместьем.

В 1761 г. Линнею пожаловали дворянство, он изменил имя на фон Линне и придумал себе герб с изображением яйца и символов трёх царств природы.

В 1774 г. Линней перенёс первый удар, зимой 1776—77 г. — второй, 30 декабря 1777 г. ему стало значительно хуже, и 10 января 1778 г. он скончался в своём доме в Упсале. Как один из видных горожан Упсалы, Линней был похоронен в Упсальском кафедральном соборе.

Вклад в науку

Линней разделил природный мир на три царства: минеральное, растительное и животное, используя четыре уровня (ранга): классы, отряды, роды и виды.

Введённый Линнеем метод формирования научного названия для каждого из видов используется до сих пор (применявшиеся ранее длинные названия, состоящие из большого количества слов, давали описание видов, но не были строго формализованы). Использование латинского названия из двух слов — название рода, затем специфичное имя — позволило отделить номенклатуру от таксономии. Данное соглашение о названиях видов получило имя «биномиальная номенклатура».

Линней, Карл — автор наименований ботанических таксонов, в ботанической (бинарной) номенклатуре эти названия дополняются сокращением «L.». Например: *Helianthus tuberosus* L.

Основные труды
Научные работы

Труды этого автора можно найти в интернет-библиотеке Gallica Следует произвести поиск (фр. Recherche) по фамилии.

Systema naturae sive regna tria naturae systematice proposita per classes, ordines, genera, & species. Lugduni Batavorum [Leyden]: apud Theodorum Haak. 1735.

Bibliotheca botanica recensens libros plus mille de plantis huc usque editos, secundum systema auctorum naturale in classes, ordines, genera & species dispositos, additis editionis loco, tempore, forma, lingua etc cum explicatione. Amstelodami [Amsterdam]: apud Salomonem Schouten, 1736a. [12] + 153 + 35 p.

Fundamenta botanica quae majorum operum prodromi instar theoriam scientiae botanices per breves aphorismos tradunt. Amstelodami [Amsterdam]: apud Salomonem Schouten, 1736b. 36 p.

Musa Cliffortiana florens hartecampi prope Harlenum. Lugduni Batavorum [Leyden]. 1736c. 50 p.

Critica botanica in qua nomina plantarum generica, specifica, & variantia examini subjiciuntur, selectiora confirmantur, indigna rejiciuntur, simulque doctrina circa denominationem plantarum traditur. Seu Fundamentorum Botanicorum pars IV. Lugduni Batavorum [Leyden]: apud Conradum Wishoff. 1737a.

Flora lapponica exhibens plantas per Lapponiam crescentes, secundum systema sexuale collectas in itinere ... 1732 institutio. Additis synonymis, & Locis natalibus omnium, descriptionibus & figuris rariorum, viribus medicatis & oeconomicis plurimarum. Amstelaedami: S. Schouten. 1737b. [35] + 372 + [16] p. + 12 tab.

Hortus cliffortianus: plantas exhibens quas, in hortistam vivis quam siccis, Hartecampi in Hollandia, coluit vir nobilissimus et generosissimus Georgius Clifford... Amstelaedami: 1737c. [26] + X + 502 p. + 32 tab.

Classes plantarum, seu Systemata plantarum. Lugduni Batavorum [Leyden]: C. Wishoff, 1738. 606 col. + p. 607-656

Genera plantarum eorumque characteres naturales secundum numerum, figuram, situm, et proportionem omnium fructificationis partium. Lugduni Batavorum [Leyden]: apud C. Wishoff : G. J. Wishoff. 1742. 527 + [24] p. III.

Flora svecica exhibens plantas per Regnum Sveciae crescentes, systematice cum differentiis specierum, synonymis auctorum, nominibus incolarum, solo locorum, usu pharmacopaeorum. Lugduni Batavorum [Leyden]: apud Conradum Wishoff: Georg. Jac. Wishoff. 1745. [16] + 419 p.

Fauna Svecica Sistens Animalia Sveciae Regni: quadrupedia, aves, amphibia, pisces, insecta, vermes; distributa per classes & ordines, genera & species; cum Differentiis Specierum, Synonymis Auctorum, Nominibus Incolarum, Locis Habitationum, Descriptionibus Insectorum. Lugduni Batavorum [Leyden]: Apud Conradum Wishoff et Georg Jac. Wishoff. Fil. Conr. 1746. [14 Bl.], 411 S., 2 Tafeln.

Philosophia botanica in qua explicantur fundamenta botanica cum definitionibus partium, exemplis terminorum, observationibus rariorum, adjectis figuris aeneis. Stockholmiae [Stockholm], Apud Godofr. Kiesewetter, 1751. [6] + 362 p. + portr. + 9 tab. HTML на сайте BotanicalLatin.org

Species plantarum exhibentes plantas rite cognitatas, ad genera relatas, cum differentiis specificis, nominibus trivialibus, synonymis selectis, locis natalibus, secundum systema sexuale digestas. Holmiae [Stockholm]: L. Salvii, 1753. T. i: xvi + 560 p. T. ii: P. 561-1158 + [31] p. Sect. 1-3: HTML на сайте Project Gutenberg

Systema naturæ per regna tria naturæ, secundum classes, ordines, genera, species, cum characteribus, differentiis, synonymis, locis. Editio decima, reformata. Holmiæ [Stockholm]: impensis direct. Laurentii Salvii. 1758. [4] Bl., S. 6-823.

[Автобиографические материалы](#)

Linne C., von. *Nemesis divina*. Nach der schwedischen Ausgabe von Elis Malmestrom und Telemak Fredbarj herausgegeben von Wolf Lepenies und Lars Gustafsson. Aus d. Lat. u. Schwed. Übers. von Ruprecht Volz. Frankfurt am Main, Berlin, Wien: Ullstein. 1983. 372 p.

Linne C., von. *Lapplandische Reise und andere Schriften*. [aus dem Schwedischen Übers. von H. C. Artmann ... Hrsg., mit Nachw. und Anm. von Sieglinde Mierau]. 4., verb. Aufl. Leipzig: Reclam. 1991. 397 S.

[Русские переводы](#)

Линней К. *Философия ботаники*. Пер. с латин. Изд. подгот. И. Е. Амлинский. М.: Наука. 1989. 456 с.

[Литература](#)

Бобров Е. Г. Карл Линней. 1707—1778. — Л.: Наука. 1970. — 285 с.

Скворцов А. К. У истоков систематики. К 300-летию Карла Линнея//Природа. № 4, 2007.

Blunt, W. *The Compleat Naturalist: A Life of Linnaeus*. Frances Lincoln Limited. 2001. 264 p.

Koerner, L. *Linnaeus: Nature and Nation*. Cambridge, Massachusetts, and London: Harvard University Press. 1999. 298 p.

Stafleu, F. A. *Linnaeus and the Linnaeans. The Spreading of their Ideas in Systematic Botany, 1753—1789*. Utrecht: Oosthoek. 1971. xvi + 386 p.

[Названы именем Линнея](#)

Линнея северная

Пион 'Linne'

Линнея (Linnaea) — род северных вечнозелёных стелющихся кустарничков, выделенный позже в отдельное семейство Линнеевые — Linnaeaceae (Raf.) Backlund (1908). Растение названо в честь Линнея голландским ботаником Яном Гроновиусом[1]. Единственный вид этого рода, Линнея северная (Linnaea borealis), является официальным растением родной для Линнея провинции Смоланд.

Один из самых крупноцветковых гибридных сортов пиона — Paeonia 'Linne'.

Мальва Линнея (Malva linnaei M.F.Ray (1998)). Вид однолетних или двулетних трав с розовыми, синими или фиолетовыми цветками родом из Средиземноморья, а в одичавшем виде часто встречающихся в Австралии[2].

Карл Линней в литературе и искусстве

Сад (швед. Tradgarden, 1995). Роман шведского писателя Магнуса Флорина (швед. Magnus Florin, род. в 1955 г.), в котором исследуется проблема границы необходимого порядка и показывается, что любой порядок порождает потребность в изменении. Персонажи романа: Карл Линней, который, систематизировав природу, хочет остановить время для того, чтобы созданную систему можно было эксплуатировать, — и садовник, его антипод-практик[3]. Издание на русском языке: Флорин, Магнус. Сад: Пер. с швед. Н. Н. Федоровой. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. — ISBN 5-89059-069-3.

Сад (швед. Tradgarden, 1999). Опера шведского композитора Юнаса Форсселля (швед. Jonas Forssell, род. в 1957 г.) по мотивам одноимённого романа Магнуса Флорина[4].

Интересные и забавные факты

На территории этнографического парка Скансен в Стокгольме создана «тропа Линнея». Она проходит по тем областям Скансена-«Швеции», где в своё время побывал Линней, на ней 12 станций-остановок. Посетителей встречает фанерная фигура учёного. Вместо лица — прорезь, куда можно вставить свою голову и сфотографироваться[5].

³ **Вольтер** (фр. Voltaire; 21 ноября 1694, Париж — 30 мая 1778, Париж; урождённый — Франсуа-Мари Аруэ, фр. Francois Marie Voltaire; Voltaire — анаграмма «Arouet le j(eune)» — «Аруэ младший») — один из крупнейших французских философов-просветителей XVIII века, поэт, прозаик, историк, публицист, правозащитник.

Биография

Сын судейского чиновника Франсуа Аруэ (1650—1722), Вольтер учился в иезуитском колледже «латыни и всяким глупостям», был отцом предназначен к профессии юриста, однако предпочёл праву литературу; начал свою литературную деятельность во дворцах аристократов в качестве поэта-нахлебника; за сатирические стихи по адресу регента и его дочери попал в Бастилию (куда потом был отправлен вторично, на этот раз за чужие стихи); был избит дворянином, которого осмеял, хотел вызвать его на дуэль, но вследствие интриги обидчика снова очутился в тюрьме, был освобождён с условием выезда за границу; уехал в Англию, где прожил три года (1726—1729), изучая её политический строй, науку, философию и литературу.

Вернувшись во Францию, Вольтер издал свои английские впечатления под заглавием «Философские письма»; книга была конфискована (1734), издатель поплатился Бастилией, а Вольтер бежал в Лотарингию, где нашёл приют у маркизы дю Шатлэ (с которой прожил 15 лет). Будучи обвинён в издевательствах над религией (в поэме «Светский человек»), Вольтер снова бежал, на этот раз в Голландию.

В 1746 Вольтер был назначен придворным поэтом и историографом, но, возбудив недовольство г-жи Помпадур, порвал с двором. Вечно подозреваемый в политической неблагонадёжности, чувствуя себя во Франции не в безопасности, Вольтер последовал (1751) приглашению прусского короля Фридриха II, с которым давно (с 1736) находился в переписке, и поселился в Берлине (Потсдаме), но, вызвав недовольство короля неблагоприятными денежными спекуляциями, а также ссорой с президентом Академии Мопертюи (карикатурно изображённым Вольтером в «Диатрибе доктора Акакия»), был вынужден покинуть Пруссию и поселился в Швейцарии (1753). Здесь он купил имение около Женевы, переименовав его в «Отрадное» (Delices), приобрёл затем ещё два имения: Турнэ и — на границе с Францией — Ферней (1758), где жил почти до самой смерти. Человек теперь богатый и вполне независимый, капиталист, ссужавший деньгами аристократов, землевладелец и в то же время владелец ткацкой и часовой мастерских, Вольтер — «фернейский патриарх» — мог теперь свободно и безбоязненно представлять в своём лице «общественное мнение», всемогущее *opinion*, против старого, доживавшего свой век социально-политического порядка.

Ферней стал местом паломничества для новой интеллигенции; дружбой с Вольтером гордились такие «просвещённые» монархи, как Екатерина II, как Фридрих II, возобновивший с ним переписку, как Густав шведский. В 1778, когда Людовика XV успел сменить Людовик XVI, Вольтер — восьмидесятичетырёхлетний старик — вернулся в Париж, где ему устроена была — при враждебном безучастии короля — восторженная встреча. Он приобрёл себе особняк на улице Ришелье, активно

работал над новой трагедией «Агафокл». Постановка его последней пьесы «Irene» превратилась в его апофеоз. Назначенный директором Академии, Вольтер приступил, несмотря на преклонный возраст, к переработке академического словаря.

Сильные боли, происхождение которых поначалу было неясно, вынуждали Вольтера принимать большие дозы опия. В начале мая, после обострения болезни, доктор медицины Троншен поставил неутешительный диагноз: рак предстательной железы. Вольтер ещё крепился, порою даже шутил, но зачастую шутку прерывала гримаса боли.

Очередной врачебный консилиум, состоявшийся 25 мая, предрёк скорый летальный исход. Каждый день приносил больному всё большие мучения. Порою не помогал даже опий.

Племянник Вольтера аббат Миньо, пытаясь примирить дядюшку с католической церковью, пригласил к нему аббата Готье и приходского кюре церкви св. Сульпиция Терсака. Визит состоялся днём 30 мая. Священники осторожно вошли в спальню. Но до исповеди и причащения дело не дошло. «Дайте мне умереть спокойно», — тихо, но внятно сказал Вольтер вошедшим.

Сиделка, присутствовавшая при кончине Вольтера, сказала, чтобы её больше никогда не приглашали ухаживать за умирающим безбожником — слишком страшно. Умирал Вольтер с криками: «О Христос, Ты победил! Я иду в ад...» По другой версии в одиннадцать вечера Вольтер очнулся из полузабытья и повернулся к слуге: «Прощай, дорогой Морен, я умираю». Через мгновение его не стало.

Боясь, что как врага церкви, его не похоронят на кладбище, Вольтер за несколько месяцев до своей смерти помирился с церковью, сделав публичное заявление о своих прегрешениях, тем не менее хоронить его в Париже было запрещено.

Останки Вольтера были перевезены в аббатство Сельер в Шампани, настоятелем которого был его племянник аббат Миньо, необычным образом: племянник посадил мёртвого дядюшку в халате и ночном колпаке в карету и через 12 часов бешеной скачки доставил на место, где Вольтер был предан земле. Запрещение, изданное местным епископом, запоздало.

В 1791 Конвент постановил перевести останки Вольтера в Париж и переименовать «Набережную Театинцев» в «Набережную имени Вольтера». Перенос останков Вольтера в Пантеон превратился в грандиозную революционную демонстрацию. В 1814 году банда реакционеров выкрала останки Вольтера из Пантеона и разбросала их на месте свалки около *Barrière de la gare*. В настоящее время прах Вольтера вновь поживает в Пантеоне.

Философия

Являясь сторонником сенсуализма английского философа Локка, учение которого он пропагандировал в своих «философских письмах», Вольтер был вместе с тем противником французской материалистической философии, в частности барона Гольбаха, против которого направлено его «Письмо Меммия к Цицерону»; в вопросе о духе Вольтер колебался между отрицанием и утверждением бессмертия души, в вопросе о свободе воли — в нерешительности переходил от индетерминизма к детерминизму. Важнейшие философские статьи Вольтер печатал в «Энциклопедии» и затем издал отдельной книгой, сначала под заглавием «Карманный философский словарь» (*Dictionnaire philosophique portatif*, 1764), потом под заглавием «Проблемы Энциклопедии» (фр. *Questions sur l'Encyclopedie*, 1771—1772).

Критика религии

Неумолимый и беспощадный враг церкви и клерикалов, которых он преследовал аргументами логики и стрелами сарказма, писатель, чей лозунг гласил «*écrasez l'infame*» («уничтожьте подлую», часто переводят как «раздавите гадину»), Вольтер обрушивался и на иудаизм, и на христианство (например в «Обеде у гражданина Булэнвилле»), изъясняя впрочем своё уважение к личности Христа (как в указанном сочинении, так и в трактате «Бог и люди»); с целью антицерковной пропаганды Вольтер издал «Завещание Жана Мелье», священника-социалиста XVII века, не щадившего слов для развенчания клерикализма.

Борясь словом и делом (заступничество за жертв религиозного фанатизма — Каласа и Сирвена) против господства и гнёта религиозных суеверий и предрассудков, против клерикального изуверства, Вольтер неустанно проповедовал идеи религиозной терпимости как в своих публицистических памфлетах

(Трактат о веротерпимости, 1763), так и в своих художественных произведениях (образ Генриха IV, покончившего с вероисповедной распрей католиков и протестантов; образ императора в трагедии «Гебры»). В 1722 году Вольтер пишет антиклерикальную поэму «За и против». В этой поэме он доказывает, что христианская религия, предписывающая любить милосердного Бога, на самом деле рисует Его жестоким тираном, «Которого мы должны ненавидеть». Тем самым Вольтер провозглашает решительный разрыв с христианскими верованиями: «В этом недостойном образе я не признаю Бога, Которого я должен чтить... Я не христианин...»

Критика атеизма. Деизм Вольтера

Борясь против церкви, духовенства и религий «откровения», Вольтер был вместе с тем врагом атеизма; походу на атеизм Вольтер посвятил специальный памфлет («Homelie sur l'atheisme»). Деист в духе английских буржуазных вольнодумцев XVIII века, Вольтер всевозможными аргументами старался доказать существование Божества, сотворившего вселенную, в дела которой однако не вмешивается, оперируя доказательствами: «космологическими» («Против атеизма»), «телеологическими» («Le philosophe ignorant») и «моральными» (статья «Бог» в «Энциклопедии»). Из всех подобных аргументов наиболее близким Вольтер был однако не приводимый им, но за всеми приведёнными стыдливо скрываемый — «полицейский», ибо без понятия божества «не может существовать ни одно общество», эксплуатируемый низ восстанет против «образованного» верха — необходимо поэтому сохранить религию как «узду» для народа, и «если бы Бога не было, его следовало бы изобрести».

Отрицая средневековый церковно-монашеский аскетизм во имя права человека на счастье, которое коренится в разумном эгоизме («Discours sur l'homme»), долгое время разделяя оптимизм английской буржуазии XVIII века, преобразовавшей мир по своему образу и подобию и утверждавшей устами поэта Попа: «Whatever is, is right» («наш мир есть лучший из возможных миров»), Вольтер после землетрясения в Лиссабоне, разрушившего третью часть города, несколько снизил свой оптимизм, заявляя в поэме о лиссабонской катастрофе: «сейчас не всё хорошо, но всё будет хорошо».

Социально-философские взгляды

По своим социальным воззрениям Вольтер был сторонником неравенства. Общество должно делиться на «образованных и богатых» и на тех, кто, «ничего не имея», «обязан на них работать» или их «забавлять». Трудящимся поэтому незачем давать образование: «если народ начнёт рассуждать, всё погибло» (из писем Вольтера). Печатаемая «Завещание» Мелье, Вольтер выкинул всю его острую критику частной собственности, считая её «возмутительной». Этим объясняется и отрицательное отношение Вольтера к Руссо, хотя в их взаимоотношениях и имелся налицо личный элемент.

Убеждённый и страстный противник абсолютизма, он остался до конца жизни монархистом, сторонником идеи просвещённого абсолютизма, монархии, опирающейся на «образованную часть» общества, на интеллигенцию, на «философов». Просвещённый монарх — его политический идеал, который Вольтер воплотил в ряде образов: в лице Генриха IV (в поэме «Генриада»), «чувствительного» царя-философа Тевкра (в трагедии «Законы Миноса»), ставящего своей задачей «просветить людей, смягчить нравы своих подданных, цивилизовать дику страну», и короля дон Педро (в одноимённой трагедии), трагически погибающего в борьбе с анархическими феодалами во имя принципа, выраженного Тевкром в словах: «Королевство — великая семья с отцом во главе. Кто имеет другое представление о монархе, тот виновен перед человечеством».

Вольтер — монархист, Руссо — народоправец; Вольтер — защитник крупной собственности, Руссо — защитник мелкой (крестьянской) собственности; Вольтер — рационалист, Руссо — сентименталист. Вольтер правда иногда и сам склонялся к защите идеи «первобытного состояния» в таких пьесах, как «Скифы» или «Законы Миноса», но его «первобытное общество» (скифов и сидонцев) не имеет ничего общего с нарисованным Руссо раем мелких собственников-хуторян, а воплощает собою общество врагов политического деспотизма и религиозной нетерпимости.

В своей сатирической поэме «Орлеанская девственница» он высмеивает рыцарей и придворных, но в поэме «Битва при Фонтенуа» [1745] Вольтер славит старое французское дворянство, в таких пьесах, как «Право сеньора» и особенно «Нанина», — рисует с увлечением помещиков либерального уклона, даже готовых жениться на крестьянке. Вольтер долго не мог примириться с вторжением на сцену лиц недворянского положения, «обыкновенных людей» (фр. hommes du commun), ибо это значило «унизить котурн» (avilir le cothurne).

Связанный своими политическими, религиозно-философскими и социальными воззрениями ещё довольно крепко с «старым порядком», Вольтер в особенности своими литературными симпатиями крепко врос в аристократический XVII век Людовика XIV, которому он посвятил своё лучшее историческое сочинение — «Siccle de Louis XIV».

Незадолго до смерти Вольтер был посвящён в масонскую Ложу «Девяти Сестёр», Париж, 7 апреля 1778 г., при этом в ложу его сопровождал Бенджамин Франклин, в то время американский посол во Франции.

Литературное творчество

Драматургия

Продолжая культивировать аристократические жанры поэзии — послания, галантную лирику, оду и т. д., Вольтер в области драматической поэзии был последним крупным представителем классической трагедии — написал 28; среди них главнейшие: «Эдип» (1718), «Брут» (1730), «Заира» (1732), «Цезарь» (1735), «Альзира» (1736), «Магомет» (1741), «Меропа» (1743), «Семирамида» (1748), «Спасённый Рим» (1752), «Китайская сирота» (1755), «Танкред» (1760).

Однако в обстановке угасания аристократической культуры трансформировалась неизбежно и классическая трагедия. В её прежнюю рационалистическую холодность врывались всё в большем изобилии нотки чувствительности («Заира»), её прежняя скульптурная чёткость сменялась романтической живописностью («Танкред»). В репертуар античных фигур вторгались всё решительнее экзотические персонажи — средневековые рыцари, китайцы, скифы, гебры и тому подобное.

Долгое время не желая мириться с восшествием новой драмы — как формы «гибридной», Вольтер кончил тем, что и сам стал защищать приём смешения трагического и комического (в предисловии к «Расточителю» и «Сократу»), считая это смешение, впрочем, законной чертой лишь «высокой комедии» и отвергая как «нехудожественный жанр» «слезливую драму», где только «слёзы». Долгое время противодействуя вторжению на сцену плебеев-героев, Вольтер, под напором буржуазной драмы, сдал и эту свою позицию, широко открывая двери драмы «для всех сословий и всех званий» (предисловие к «Шотландке», с ссылками на английские примеры) и формулируя (в «Рассуждении о гебрах») по существу программу демократического театра; «чтобы легче внушить людям доблесть, необходимую обществу, автор выбрал героев из низшего класса. Он не побоялся вывести на сцену садовника, молодую девушку, помогающую отцу в сельских работах, простого солдата. Такие герои, стоящие ближе других к природе, говорящие простым языком, произведут более сильное впечатление и скорее достигнут цели, чем влюблённые принцы и мучимые страстью принцессы. Достаточно театры гремели трагическими приключениями, возможными только среди монархов и совершенно бесполезными для остальных людей». К типу таких буржуазных пьес можно отнести «Право сеньора», «Нанина», «Расточитель» и др.

Поэзия

Если как драматург Вольтер шёл от ортодоксальной классической трагедии через её сентиментализацию, романтизацию и экзотику к драме Нового времени под напором растущего движения «третьего сословия», то аналогична его эволюция и как писателя эпического. Вольтер начал в стиле классической эпопеи («Генриада», 1728; первоначально «Лига или великий Генрих»), которая однако, как и классическая трагедия, под его рукой преображалась: вместо вымышленного героя взят реальный, вместо фантастических войн — на самом деле бывшая, вместо богов — аллегорические образы — понятия: любви, ревности, фанатизма (из «Essai sur la poesie epique»).

Продолжая стиль героической эпопеи в «Поэме о битве при Фонтенуа», прославляющей победу Людовика XV, Вольтер затем в «Орлеанской девственнице» (La Pucelle d'Orleans), едко и скабрёзно высмеивающей весь средневековый мир феодально-поповской Франции, снижает героическую поэму до героического фарса и переходит постепенно, под влиянием Поупа, от героической поэмы к поэме дидактической, к «рассуждению в стихах» (discours en vers), к изложению в форме поэмы своей моральной и общественной философии («Письмо о философии Ньютона», «Рассуждение в стихах о человеке», «Естественный закон», «Поэма о лиссабонской катастрофе»).

Философская проза

Отсюда наметился естественный переход к прозе, к философскому роману («Видение Бабука», «Задиг или судьба», «Микромегас», «Кандид», «Сказка о вавилонской принцессе», «Scarmentado» и другие, 1740—60-х гг.), где на стержне приключений, путешествий, экзотики Вольтер развивает главным образом идею о «слепой судьбе», о случайности, господствующей в жизни, о нелепости оптимизма (фигура

доктора Панглосса в «Кандиде») и о единственной мудрости, заключающейся в убеждении познавшего все превратности Кандида, что человек призван «возделывать свой огород» или, как эту мысль выражает другое лицо повести, что «необходимо работать не размышляя».

Как для всех «просветителей» XVIII века, художественная литература была для Вольтера не самоцелью, а лишь средством пропаганды своих идей, средством протестовать против самодержавия, против церковников, проповедовать веротерпимость, гражданскую свободу, и т. д. Соответственно этой установке, его творчество в высокой степени рассудочно и публицистично. Все силы «старого порядка» яростно поднялись против этого, как его окрестил один из его врагов, — «Прометей», низвергающего власть земных и небесных богов; в особенности усердствовал Фрерон, которого Вольтер заклеил своим смехом в ряде памфлетов и в пьесе «Шотландка» под прозрачным именем доносчика Фрелона.

Последователи Вольтера — Вольтерианство

Свои произведения Вольтер был вынужден издавать часто анонимно, отрекаясь от них, когда молва объявляла его автором, печатать их за границей, провозить во Францию контрабандой. В борьбе против доживающего свой век старого порядка Вольтер мог, с другой стороны, опираться на огромную влиятельную аудиторию как во Франции, так и за границей, начиная от «просвещённых монархов» и до широких кадров новой буржуазной интеллигенции, вплоть до России, которой он посвятил свою «Историю Петра» и отчасти «Карла XII», находясь в переписке с Екатериной II и с Сумароковым, и где его именем было окрещено, хотя и без достаточного основания, общественное течение, известное под названием вольтерианства.

Култ Вольтера достиг своего апогея во Франции в эпоху Великой революции, и в 1792, во время представления его трагедии «Смерть Цезаря», якобинцы украсили голову его бюста красным фригийским колпаком. Если в XIX веке в общем этот култ пошёл на убыль, то имя и слава Вольтера возрождались всегда в эпохи революций: на рубеже XIX века — в Италии, куда войска генерала Бонапарта принесли принцип декларации прав человека и гражданина, отчасти в Англии, где борец против Священного союза, Байрон, прославил Вольтера в октавах «Чайльд-Гарольда», потом — накануне мартовской революции в Германии, где Гейне воскрешал его образ. На рубеже XX века вольтеровская традиция в своеобразном преломлении ещё раз вспыхнула в «философских» романах Анатоля Франса.

Библиография

Собрание сочинений в 50 тт. — Р. 1877—1882.

Переписка Вольтера, там же, тт. 33—50.

Языков Д. Вольтер в русской литературе. 1879.

Романы и повести, перевод Н. Дмитриева, СПб. 1870.

Собрание стихотворений, перевод Курочкина. II, СПб, 1869

Вольтер М.-Ф. Кандид. — Пантеон. 1908 (сокращённо переиздан — «Огонёк», 1926.

Вольтер М.-Ф. Принцесса Вавилонская. Издательство «Всемирная литература». 1919.

Вольтер М.-Ф. Орлеанская девственница", в 2 тт., с примечаниями и статьями, 1927.

Иванов И. И. Политическая роль французского театра в XVIII веке. — М. 1895.

Засулич В. Вольтер. СПб. 1909.

Шахов А. Вольтер и его время. СПб, 1912.

Хал Хеллман Великие противостояния в науке. Десять самых захватывающих диспутов - Глава 4.

Вольтер против Нидхема: Спор о зарождении = Great Feuds in Science: Ten of the Liveliest Disputes Ever.

— М.: «Диалектика», 2007. — С. 320. — ISBN 0-471-35066-4

Desnoiresterres G. Voltaire et la societe du XVIII siecle, 8 vv. — P. 1867—1877.

Morley J. Voltaire. — London. 1878 (русский перевод. — М. 1889).

Bengesco G. Voltaire. Bibliographie de ses œuvres. 4 vv. — P. 1889—1891

Champion G. Voltaire. — P. 1892.

Strauss D. F. Voltaire. — Lpz. 1895 (русский перевод. — М. 1900.

Crousle L. La vie et les œuvres de Voltaire. 2 vv. — P. 1899.

Lanson G. Voltaire. — P. 1906.

Brandes. Voltaire. 2 vv. — P. 1923.

Maugras G. Querelles des philosophes Voltaire et Rousseau. — P. 1886.

Brunetiere F. Les epoques du theatre francais. — P. 1892

Lion H. Les tragedies et les theories dramatiques de Voltaire. — P. 1896.

Griswald. Voltaire als Historiker. 1898

Ducros L. Les encyclopedistes. — P. 1900 (есть русский перевод).

Robert L. Voltaire et l'intolérance religieuse. — P. 1904

Pellissier G. Voltaire philosophe. — P. 1908.

⁴ Дени Дидро́ (фр. Denis Diderot; 5 октября 1713, Лонгрэ — 31 июля 1784, Париж) — французский писатель, философ-просветитель и драматург, основавший «Энциклопедию, или толковый словарь наук, искусств и ремёсел» (1751).

Вместе с Вольтером, Руссо, Монтескьё, Д'Аламбером и др. энциклопедистами, Дидро был идеологом третьего сословия и создателем тех идей Просветительного века, которые подготовили умы к Французской революции.

Мировоззрение

В своих философских воззрениях он был материалистом. Отрицал дуалистическое учение о раздвоении материального и духовного начала, признавая, что существует только материя, обладающая чувствительностью, а сложные и разнообразные явления — лишь результат движения её частиц. Человек представляет собою только то, что из него делают общий строй воспитания и смена фактов; каждое действие человека есть акт, необходимый в сцеплении актов, и каждый из этих последних так же неизбежен, как восход солнца. Этим учением Дидро наносил удар идее Откровения, на которой держалась власть католического духовенства, отнимал у римской церкви право толковать волю Бога, цель мироздания, право награждать и карать людей за их поступки и дал мощный толчок изучению природы, развитию естествознания. По своим политическим воззрениям Дидро был сторонником теории просвещённого абсолютизма. Подобно Вольтеру он не доверял народной массе, неспособной, по его мнению, к здравым суждениям в «нравственных и политических вопросах», и считал идеальным государственным строем монархию, во главе которой стоит государь, вооружённый всеми научными и философскими знаниями. Дидро верил в благотворность союза монархов и философов, и подобно тому как его материалистическое учение было направлено против духовенства и имело целью передать власть над «душами» философам, так его просвещённый абсолютизм стремился передать этим же философам власть государственную. Известно, чем закончился союз философов и монархов. Последние ухаживали за первыми, но первые не оказали реального влияния на практическую политику просвещённых деспотов. Когда Дидро приехал в Петербург по приглашению Екатерины II, она обласкала мыслителя, беседовала с ним целыми часами, но скептически отнеслась к проектам «Дени Первого» об уничтожении роскоши при дворе и обращении освободившихся средств на нужды народа, так же как к его проектам о всеобщем бесплатном обучении. Знаменитый философ получил от Екатерины крупную сумму денег за свою библиотеку, причём она была оставлена в его распоряжении, и Дидро выплачивалось определённое жалование за заведывание этой библиотекой. А в России в это время продолжали процветать крепостное право, батоги и преследования сектантов.

Идеологом буржуазии Дидро является и в своих литературных произведениях. Он проложил во Франции путь буржуазно-сентиментальной драме, уже раньше зародившейся в Англии (Лилло, Мур, Камберленд и др.).

Творчество

В 1757 году появилась его первая пьеса «Побочный сын» (фр. Un fils naturel), а в следующем 1758 году другая — «Отец семейства» (фр. Pere de famille). Само заглавие обоих произведений указывает на то, что их сюжетами послужили семейные отношения. В первом Дидро защищал права незаконнорождённых детей, во второй — права сына выбирать себе жену по указанию сердца, а не отца. В рассуждениях, сопровождавших эти пьесы, Дидро устанавливает новый вид драматического искусства, который он называет «серьёзным жанром». Классический театр проводил строгое разделение между трагедией, жанром, существовавшим для возвышенных и героических тем, для изображения высшего сословия, с одной стороны, и комедией с будничными темами и героями из простых сословий — с другой. Самый факт установления среднего (между трагедией и комедией) жанра, который получил впоследствии такое распространение под именем драмы, свидетельствовал о том влиянии, которое оказывала буржуазия на развитие литературы. «Серьёзный жанр» снимал границы, отделявшие аристократические классы от низших, возвышенные чувства от будничных. Право на трагическое перестало быть исключительным правом придворного общества.

По учению Дидро, трогательные и возвышенные чувства можно найти и у бедняка. С другой стороны, забавное и смешное не чуждо и придворной аристократии. Если буржуазия стремилась разрушить сословные перегородки между собой и привилегированным дворянством, то Дидро разрушал сословные перегородки в литературных жанрах. Отныне трагедия становилась более очеловеченной. Все сословия могли быть представлены в драматическом произведении. Вместе с тем рационалистическое построение характеров уступило место реальному изображению живых людей. Чувствительность и нравование —

основные черты нового жанра, вопросы семьи и морали — его главные темы, добродетельные буржуа, бедняки и крестьяне — преобладающие герои. Новый жанр вполне соответствовал задачам Просветительного века, театр стал проводником освободительных идей, вернулся к человеческой природе, отменил все условности, этикет, торжественный стих и высокий стиль классического направления, вполне отвечая вкусам буржуазии, которая не имела героических предков и воспоминаний, любила семейный очаг и жила в атмосфере своих будничных забот.

Эти же взгляды — верность природе, непригодность классических условностей и важное значение нравоучительного элемента в искусстве — Дидро отстаивает и в качестве критика и теоретика искусства. Он писал не только о литературе, но и об изобразительных искусствах («Салоны») и об искусстве актёра («Парадокс об актёре»). В своих «Салонах» он сближал живопись и скульптуру с литературой, требовал «нравственных картин» и рассматривал изобразительные искусства как своеобразное средство воздействия на умы. «Парадокс об актёре» до сих пор не утратил своего значения по богатству и оригинальности мыслей. Дидро — враг актёрской теории «натура». Актёр должен играть обдуманно, изучив природу человека, неуклонно подражая какому-нибудь идеальному образцу, руководимый своим воображением, своей памятью, — такой актёр будет всегда равно совершенен: все у него размерено, соображено, изучено, приведено в стройный порядок. «Власть над нами принадлежит не тому, кто в экстазе, кто — вне себя: эта власть — привилегия того, кто владеет собой».

Если драмы Дидро сохранили только исторический интерес, то более счастливым оказался Дидро в своих повестях. В них он удачнее проводит то положительное, что внесли идеологи буржуазии в литературу. Здесь ярко выражена зависимость героя от среды, их связь и взаимодействие: герой вставлен в рамки бытовых условий, и человеку вообще, человеку рационалистически, отвлечённо построенному классиками, противопоставляется общественный тип, живой образ, озаряющий смысл целой эпохи. Из беллетристических произведений Дидро наибольшей известностью пользуется «Жак Фаталист» (фр. Jacques le fataliste, 1773) и в особенности «Племянник Рамо» (фр. Le Neveu de Rameau, опубликовано в 1762 посмертно), лучшее из его художественных произведений. «Жак Фаталист» — повесть о странствиях и приключениях двух приятелей, в которую автор вставил ряд эпизодов. Здесь выведена вереница характерных фигур того времени, подвергнуты критике распущенность, эгоизм, бессодержательность, мелочность и отсутствие глубоких интересов в так называемом «обществе»; этому последнему противопоставляются примеры добродетели, искренность и чувствительность — качества, обретенные Дидро в буржуазной среде. Рамо, герой другой повести — талантливый циник, одновременно отталкивающий своей беспринципностью и привлекающий своими парадоксальными суждениями. В его лице Дидро воплотил всё отвратительное, что таилось в недрах старого общества. Рамо — это нахальство, образующаяся на поверхности моря, взволнованного идейными бурями, в эпоху начавшейся ликвидации остатков дворянско-церковного господства. Это — муть, поднимающаяся со дна, когда свежая струя ворвалась в застоявшиеся воды, когда дрогнул и заколебался в своих основах старый мир и связанные с ним понятия. Рамо легко переходит от раболепия к наглости, он — не просто негодяй, он — виртуоз клеветы и обмана, он наслаждается бессилием честных людей в их борьбе с негодями и испытывает что-то вроде художественного наслаждения, нападая на слабые, уязвимые стороны просветительной философии, любит свою удобную позицию циника и беззастенчивостью нахала, которая позволяет ему легко и искусно проникать в лазейки, случайно образовавшиеся во время сложной социальной борьбы, есть и пить не без удовольствия и проводить время в праздности. Рамо отрицает всякую мораль — не только те устои, на которых держалось старое общество, но и новую, возникшую вместе с ростом буржуазии. Он враг всякой организованной общественности, типичная богема, индивидуалист, которого возмущает всякая дисциплина, всякое насилие над личностью.

И, тем не менее, в Рамо есть нечто от самого Дидро, а именно огромный запас жизненных сил, могучее чувство природы, естественное ощущение своего «я» — то, что являлось существенным элементом в учении энциклопедистов. Дидро в конце концов готов в одном пункте признать его правым: «самое главное, чтобы вы и я существовали и были сами собою, а всё прочее пусть идёт, как может». Следует указать также на повесть Дидро «Монахиня» (фр. La religieuse), где изображены развращённые нравы женского монастыря. Рассказ ведётся от лица молодой девушки-послушницы, не понимающей того, что она переживает. Тонкое сочетание чувствительности, смелого натурализма и психологической правды делает «Монахиню» одним из лучших произведений французской прозы XVIII века. Благодаря своей остро проведённой антиклерикальной тенденции «La religieuse» является великолепным образцом антирелигиозной пропаганды XVIII века.

Оригинален и стиль Дидро. Наиболее живой, подвижный ум среди просветителей XVIII века, легко и быстро улавливающий не только общие понятия и формы вещей, но и своеобразие их оттенков, быстро

реагирующий на всё и мыслью и чувством, Дидро пишет с большей эмоциональной выразительностью и конкретностью, чем Вольтер. Язык последнего более отточен и сух, менее периодичен, чем речь Дидро, которая однако не столь расплывчата и ораторски-патетична, как слог Руссо. Дидро принадлежит к числу тех цельных натур с законченным мирозерцанием, которые не могут ограничить свой кругозор какой-нибудь специальностью или частными проблемами. Он обладал широким и всесторонним образованием, солидными знаниями в области философии и естествознания, социальных наук, литературы, живописи, театра и т. п. Его величайшим подвигом было создание «Энциклопедии», первый том которой вышел в 1751 году, и которая с перерывами издавалась в течение двадцати лет. Во всех её статьях чувствуется влияние мысли Дидро — идеолога воинствующей буржуазии, захватывавшей в свои руки торговую и промышленную жизнь страны, писателя, окрашивавшего умонастроением тогдашнего передового класса все разнообразные темы, которых он касался.

Работы

Дидро. Племянник Рамо — текст диалогов на русском и французском языках

Библиография

Дидро в 20 томах. «Ассеза и М», турне вышло в 1875—1877.

Сборник избранных сочинений (фр. *Œuvres Choiesies*, edition du centenaire), 1884.

«Les Bijoux indiscrets» (русс. Нескромные сокровища), 1748

«La religieuse» (русс. Монахиня), 1760.

Романы и повести, перевод В. Зайцева, 2 тт., Санкт-Петербург, 1872 (уничтожено цензурой);

«Племянник Рамо», изд. «Чуйко», в «Библиотека европейских мыслителей и писателей», Санкт-Петербург, 1883;

«Племянник Рамо», в серии «Русская классическая библиотека А. Чудинова», сер. II, в. XVIII, Санкт-Петербург, 1900;

«Монахиня», изд. «Атеист», Москва, 1929.

Морлей Дж., «Дидро и энциклопедисты», Москва, 1882;

Веселовский Алексей, Дени Дидро, «Вестник Европы», 1884, X-XI (и в «Этюдах и характеристиках»);

Бильбасов В. А., «Дидро в Петербурге», Санкт-Петербург, 1898;

Луппол И., «Дени Дидро», Москва, 1924;

Rosenkranz, «Diderots Leben und Werke», 1866;

Collignon, «Diderot, sa vie, ses œuvres, sa correspondance», 1895;

Avezac-Lavigne, «Diderot et la société du baron d'Holbach», 1875.

Sainte-Beuve, «Portraits littéraires»;

Карлейль, «Critical and historical essays», русск. перев., Москва, 1878;

Dubois-Reymond, «Zu Diderots Gedachtnis», 1884;

Scherer E., «Diderot», 1880;

Busnelli M. D., «Diderot et l'Italie», 1925;

Ledieu P., «Diderot et Sophie Volland», 1925;

Palache J. G., «Four novelists, Crebillon, Laclos, Diderot, Restif de la Bretonne», Нью-Йорк, 1926.

⁵ Жан-Жак Руссо (фр. Jean-Jacques Rousseau; 28 июня 1712, Женева — 2 июля 1778, Эрменонвиль, близ Парижа) — французский писатель, мыслитель, композитор. Разработал прямую форму правления народа государством (прямую демократию), которая используется и по сей день, например в Швейцарии.

На смену барочному рационализму XVIII века пришёл романтизм, главной особенностью которого была новая культурная струя, источником которой было чувство. Оно преобразило культурного человека, его отношение к самому себе, к людям, к природе и к культуре. Самым оригинальным и влиятельным представителем и проводником этого направления был Руссо. Оно поставило его в антагонизм к представителям рационализма — философам XVIII в. Но так как Руссо в политике усвоил себе рационализм и внёс в него чувство и страсть, то он стал главным предтечей того коренного переворота, которым закончился XVIII век. К этой роли он был приспособлен своим воспитанием, условиями жизни, темпераментом, вкусами, свойствами и дарованиями.

Руссо был также музыковедом, композитором и ботаником.

Детство

Француз по происхождению, Руссо был уроженцем протестантской Женевы, сохранившей до XVIII в. свой строго кальвинистский и муниципальный дух. При самом рождении он потерял мать. Его отец Исаак Руссо (1672—1747), часовщик и учитель танцев, остро переживал потерю жены. Жан-Жак был любим

ребёнком в семье, уже семи лет зачитывался вместе с отцом до утренней зари «Астреей» и жизнеописаниями Плутарха; воображая себя античным героем, он обжёг себе руку над жаровней.

Из-за вооружённого нападения на согражданина Исаак был вынужден бежать в соседний кантон и там вступил во второй брак. Жан-Жак, оставленный в Женеве, был отдан в учение к нотариусу, потом к гравёру. Он продолжал зачитываться книгами во время работы, подвергался суровому обращению; как он указывает в своей книге "Исповеди, " привык лгать, притворяться, красть. Уходя по воскресеньям за город, он не раз возвращался, когда ворота уже были закрыты, и ему приходилось ночевать под открытым небом. В 16 лет, 14 марта 1728 г., он решился покинуть город.

Зрелость

За воротами Женевы начиналась католическая Савойя; священник соседней деревни предложил ему принять католицизм и дал ему письмо в Аннеси, к г-же де Варан (Warens). Это была молодая женщина из богатой семьи кантона Во, расстроившая своё состояние промышленными предприятиями, бросившая мужа и переселившаяся в Савойю. За принятие католицизма она получала пособие от короля.

Г-жа де Варан направила Руссо в Турин в монастырь, где обучали прозелитов. По истечении четырёх месяцев обращение совершилось и Руссо выпустили на улицу.

Работа лакеем

Он поступил лакеем в аристократический дом, где к нему отнеслись с участием; сын графа, аббат, стал учить его итальянскому языку и читать с ним Вергилия. Встретившись с проходивцем из Женевы, Руссо вместе с ним ушёл из Турина, не поблагодарив своего благодетеля.

Он снова появился в Аннеси к г-же де Варан, оставившей его у себя и сделавшейся его «мамашей». Она научила его правильно писать, говорить языком образованных людей и, насколько он к этому был восприимчив, держаться по-светски. Но «мамаше» было только 30 лет; она была совершенно лишена нравственных принципов и в этом отношении имела самое вредное влияние на Руссо. Заботясь о его будущем, она поместила его в семинарию, а потом отдала в учение к органисту, которого он скоро бросил и вернулся в Аннеси, откуда г-жа де Варан уехала, между тем, в Париж.

Более 2 лет Руссо скитался по Швейцарии, претерпевая всякую нужду: однажды был даже в Париже, который ему не понравился. Он совершал свои переходы пешком, ночуя под открытым небом, но не тяготился этим наслаждаясь природой. Весной 1732 г. Руссо стал снова гостем г-жи де Варан; его место было занято молодым швейцарцем Ане, что не помешало Руссо оставаться членом дружеского трио.

В своих «Признаниях» он описал самыми страстными красками свою тогдашнюю влюблённость. По смерти Ане он оставался вдвоём с г-жой де Варан до 1737 г., когда она отправила его лечиться в Монпелье. По возвращении он нашёл свою благодетельницу близ города Шамбери, где она взяла в аренду ферму в местечке «Les Charmettes»; её новым «фактотумом» был молодой швейцарец Винцинрид. Руссо называл его братом и снова приютился у «мамаши».

Работа домашним наставником

Но его счастье уже не было так безмятежно; он тосковал, уединялся и в нём стали проявляться первые признаки мизантропии. Он искал утешение в природе: вставал с зарёй, работал в саду, собирал плоды, ходил за голубями и пчёлами. Так прошло два года: Руссо оказался в новом трио лишним и должен был позаботиться о заработке. Он поступил в 1740 г. домашним наставником в семью Мабли (брата писателя), жившую в Лионе. Но он был весьма мало пригоден для этой роли; он не умел вести себя ни с учениками, ни с взрослыми, тайком уносил к себе в комнату вино, делал «глазки» хозяйке дома. Ему пришлось уйти.

После неудачной попытки вернуться в Шарметты, Руссо отправился в Париж, чтобы представить академии изобретённую им систему обозначать ноты цифрами; она не была принята, несмотря на «Рассуждение о современной музыке», написанное Руссо в её защиту.

Работа домашним секретарём

Руссо получил, затем, место домашнего секретаря у графа Монтегю, французского посланника в Венеции. Посланник смотрел на него как на слугу, Руссо воображал себя дипломатом и стал важничать;

он впоследствии писал, что спас в это время королевство неаполитанское. Посланник выгнал его из дома, не уплатив жалованья.

Руссо вернулся в Париж и подал жалобу на Монтегю, увенчавшуюся успехом.

Ему удалось поставить написанную им оперу «Les Muses Galantes» в домашнем театре, но она не попала на королевскую сцену.

Жена и дети

Не имея средств к существованию, Руссо вступил в связь со служанкой отеля, в котором жил, Терезой Левассер, молодой крестьянкой, некрасивой, неграмотной, ограниченной — она не могла научиться узнавать, который час — и весьма вульгарной. Он признавался, что никогда не питал к ней ни малейшей любви, но обвенчался с ней спустя двадцать лет.

Вместе с ней он должен был держать у себя её родителей и их родню. У него было 5 человек детей, которые все были отданы в воспитательный дом. Руссо оправдывался тем, что не имел средств их вскормить, что они не давали бы ему спокойно заниматься и что он предпочитает сделать из них крестьян, чем искателей приключений, каким был он сам.

Знакомство с энциклопедистами

Получив место секретаря у откупщика Франкеля и его тещи, Руссо стал домашним человеком в кружке, к которому принадлежали известная г-жа д'Эпине, её друг Гримм и Дидро. Руссо часто гостил у них, ставил комедии, очаровывал их своими наивными, хотя и разукрашенными фантазией рассказами из своей жизни. Ему прощали его бестактности (он, например, начал с того, что написал теще Франкеля письмо с объяснением в любви).

Летом 1749 г. Руссо шёл навестить Дидро, заключённого в Венсенском замке; по дороге он, раскрыв газету, прочёл объявление от дижонской академии о премии на тему «Содействовало ли возрождение наук и художеств очищению нравов». Внезапная мысль осенила Руссо; впечатление было так сильно, что, по его описанию, он в каком-то опьянении пролежал полчаса под деревом; когда он пришёл в себя, его жилет был мокр от слёз. Мысль, осенившая Руссо, заключается в себе всю суть его мировоззрения: «просвещение вредно и самая культура — ложь и преступление».

Ответ Руссо был удостоен премии; всё просвещённое и утончённое общество рукоплескало своему обличителю. Для него наступило десятилетие самой плодотворной деятельности и непрерывного торжества. Два года спустя его оперетка «Le Devin du village» была поставлена на придворной сцене. Людовик XV напевал его арии; его хотели представить королю, но Руссо уклонился от чести, которая могла создать ему обеспеченное положение.

Он сам поверил в свой парадокс или, во всяком случае, увлёкся им и занял соответствующую позу. Он объявил, что хочет жить сообразно со своим принципом, отказался от выгодного места у Франкеля и стал переписчиком нот, чтобы жить трудом своих рук, оставил щегольской костюм тогдашних салонов, оделся в грубое сукно, благословляя вора, укравшего его тонкие сорочки; отказался от вежливой речи, отвечая оскорбительными выходками на любезности своих аристократических друзей. Во всём этом было много театрального.

«Дикарь» стал «модным человеком»

Ему не давали покоя; со всех сторон ему приносили для переписки ноты, чтобы иметь повод поглядеть на него; светские дамы посещали его и осыпали приглашениями на обеды и ужины. Тереза и её жадная мать пользовались случаем, чтобы принимать от посетителей всевозможные подарки. Но эта комедия представляла и серьёзную сторону. Руссо нашёл своё призвание; он стал, как удачно было сказано, «Иеремией» современного ему культурного общества.

Дижонская академия снова пришла к нему на помощь, объявив конкурс на тему «О происхождении неравенства между людьми и о том, согласно ли оно с естественным законом». В 1755 г. появилось в печати ответное «Рассуждение» Руссо, посвящённое женеvской республике.

Обдумывая свой ответ, Руссо блуждал по Сен-Жерменскому лесу и населял его созданиями своей фантазии. Если в первом рассуждении он обличал науки и художества за их развращающее влияние, то в новом фантастическом сказании о том, как люди утратили своё первобытное блаженство, Руссо предал анафеме всю культуру, всё что создано историей, все основы гражданского быта — разделение труда, собственность, государство, законы.

Правители женеvской республики с холодной вежливостью поблагодарили Руссо за оказанную им честь, а светское общество опять с ликованием приветствовало своё осуждение.

Дача Эрмитаж

Г-жа д'Эпине, идя навстречу вкусам Руссо, построила для него в саду своего загородного имения близ Сен-Дени дачу — на опушке великолепного монморансийского леса. Весной 1756 г. Руссо переехал в свой «Эрмитаж»; соловьи распевали под его окнами, лес стал его «рабочим кабинетом», в то же время давая ему возможность целые дни блуждать в одиноком раздумье.

Руссо был как в раю, но Тереза и её мать скучали на даче и пришли в ужас, узнав, что Руссо хочет остаться в Эрмитаже на зиму. Это дело было улажено друзьями, но Руссо страстно влюбился в графиню д'Удето, «подругу» Сен-Ламбера, дружески расположенного к Жан-Жаку. Сен-Ламбер был в походе; графиня жила одна в соседнем поместье. Руссо часто её навещал и, наконец, поселился у неё; он плакал у её ног, в то же время укоряя себя за измену «другу». Графиня жалела его, слушала его красноречивые признания; уверенная в своей любви к другому, она допускала интимность, доведшую страсть Руссо до безумия.

Г-жа д'Эпине насмешливо относилась к любви, уже немолодого Руссо к тридцатилетней графине д'Удето и не верила в чистоту их отношений. Сен-Ламбер был извещён анонимным письмом и вернулся из армии. Руссо заподозрил в разглашении г-жу д'Эпине и написал ей неблагородно-оскорбительное письмо. Она его простила, но её друзья были не так снисходительны, особенно Гримм, который видел в Руссо маньяка и находил опасным всякое потворство таким людям.

Разрыв с энциклопедистами

За этим первым столкновением скоро последовал полный разрыв с «философами» и с кружком «Энциклопедии». Г-жа д'Эпине, отправляясь в Женеvu на совещание со знаменитым врачом Троншеном, пригласила Руссо проводить её; Руссо ответил, что странно было бы больному сопровождать больную; когда Дидро стал настаивать на поездке, упрекая его в неблагодарности, Руссо заподозрил, что против него образовался «заговор», с целью осрамить его появлением в Женеvu в роли лакея откупщицы и т. п.

О разрыве с Дидро Руссо известил публику, заявив в предисловии к «Письму о театральнх зрелищах» (1758), что он более знать не хочет своего Аристарха (Дидро).

Оставив «Эрмитаж», он нашёл новый приют у герцога Люксембургского, владельца замка Монморанси, предоставившего ему павильон в своём парке. Здесь Руссо провёл 4 года и написал «Новую Элоизу» и «Эмиля», читая их своим любезным хозяевам, которых он в то же время оскорблял подозрениями, что они не искренно к нему расположены, и заявлениями, что он ненавидит их титул и высокое общественное положение.

Издание романов

В 1761 г. появилась в печати «Новая Элоиза», весной следующего года — «Эмиль», а несколько недель спустя — «Общественный договор» («Contrat social»). Во время печатания «Эмиля» Руссо был в большом страхе; он имел сильных покровителей, но подозревал, что книгопродавец продаст рукопись иезуитам и что его враги исказят её текст. «Эмиль», однако, вышел в свет; гроза разразилась несколько позже.

Парижский парламент, готовясь произнести приговор над иезуитами, счёл нужным осудить и философов, и приговорил «Эмиля», за религиозное вольнодумство и неприличия, к сожжению рукой палача, а автора его — к заключению. Принц Конти дал об этом знать в Монморанси; герцогиня Люксембургская велела разбудить Руссо и уговаривала его немедленно уехать. Руссо, однако, промешкал целый день и едва не стал жертвой своей медленности; на дороге он встретил посланных за ним судебных приставов, которые с ним вежливо раскланялись.

Вынужденная ссылка

Его нигде не задержали, ни в Париже, ни по пути. Руссо, однако, чудились пытка и костёр; везде он чувал за собой погоню. Когда он переехал через швейцарскую границу, он бросился лобызать землю страны справедливости и свободы. Женевское правительство, однако, последовало примеру парижского парламента, сожгло не только «Эмиля», но и «Общественный договор», и издало приказ арестовать автора; бернское правительство, на территории которого (ему был тогда подвластен теперешний кантон Во) Руссо искал приюта, приказало ему выехать из своих владений.

Руссо нашёл убежище в княжестве Невшательском, принадлежавшем прусскому королю, и поселился в местечке Мотье. Он нашёл здесь новых друзей, блуждал по горам, болтал с сельчанами, пел романсы деревенским девушкам. Он приспособил себе костюм, который называл армянским — просторный, подпоясанный архалук, широкие шаровары и меховую шапку, оправдывая этот выбор гигиеническими соображениями. Но его душевное спокойствие не было прочно. Ему показалось, что местные мужики слишком важничают, что у них злые языки; он стал называть Мотье «самым подлым местопребыванием». Три с небольшим года прожил он так; затем настали для него новые бедствия и скитания.

Ещё в 1754 г., прибыв в Женеву и принятый там с большим торжеством, он пожелал вновь приобрести право женевского гражданства, утраченное с переходом в католицизм, и снова присоединился к кальвинизму.

В Мотье он просил местного пастора допустить его к причастию, но в полемике со своими противниками в «Письмах с горы» он глумился над авторитетом Кальвина и обвинял кальвинистское духовенство в отступлении от духа реформации.

Отношения с Вольтером

К этому присоединилась ссора с Вольтером и с правительственной партией в Женеве. Когда-то Руссо называл Вольтера «трогательным», но на самом деле не могло быть большего контраста, как между этими двумя писателями. Антагонизм между ними проявился в 1755 г., когда Вольтер, по случаю страшного лиссабонского землетрясения, отрёкся от оптимизма, а Руссо вступился за Провидение. Пресыщенный славой и живя в роскоши, Вольтер, по словам Руссо, видит на земле только горе; он же, безвестный и бедный, находит, что всё хорошо.

Отношения обострились, когда Руссо, в «Письме о зрелищах», сильно восстал против введения в Женеве театра. Вольтер, живший близ Женевы и развивавший посредством своего домашнего театра в Ферне вкус к драматическим представлениям среди женеvцев, понял, что письмо направлено против него и против его влияния на Женеву. Не зная меры в своём гневе, Вольтер возненавидел Руссо и то глумился над его идеями и сочинениями, то выставлял его сумасшедшим.

Пolemика между ними особенно разгорелась, когда Руссо был запрещён въезд в Женеву, что он приписывал влиянию Вольтера. Наконец, Вольтер издал анонимный памфлет, обвиняя Руссо в намерении ниспровергнуть женевскую конституцию и христианство и утверждая, будто он уморил мать Терезы.

Мирные сельчане Мотье взволновались; Руссо стал подвергаться оскорблениям и угрозам; местный пастор произнёс против него проповедь. В одну осеннюю ночь целый дождь камней обрушился на его домик.

В Англии по приглашению Юма

Руссо бежал на островок на Бильском озере; бернское правительство приказало ему оттуда выехать. Тогда он принял приглашение Юма и поехал к нему в Англию. Делать наблюдения и чему-нибудь научиться Руссо не был в состоянии; единственный интерес представляли для него английские мхи и папоротники.

Его нервная система была сильно потрясена, и на этом фоне его недоверчивость, щепетильное самолюбие, мнительность и пугливое воображение разрослись до пределов мании. Гостеприимный, но уравновешенный хозяин не сумел успокоить рыдавшего и бросавшегося к нему в объятия Руссо; несколько дней спустя Юм уже был в глазах Руссо обманщиком и изменником, коварно привлёкшим его в Англию, чтобы сделать его посмешищем газет.

Юм счёл нужным обратиться к суду общественного мнения; оправдывая себя, он выставил напоказ перед Европой слабости Руссо. Вольтер потирал руки и заявлял, что англичанам следовало бы заключить Руссо в Бедлам (сумасшедший дом).

Руссо отказался от пенсии, которую ему выхлопотал Юм у английского правительства. Для него наступило новое четырёхлетнее скитание, отмеченное только выходками психически больного человека. Руссо ещё с год пробыл в Англии, но его Тереза, не имея возможности с кем-либо говорить, скучала и раздражала Руссо, который вообразил, что англичане хотят насильно удержать его в своей стране.

Возвращение в Париж

Он уехал в Париж, где, несмотря на тяготевший над ним приговор, его никто не трогал; прожил около года в замке герцога Конти и в разных местностях южной Франции. Отовсюду он бежал, терзаемый своим болезненным воображением: в замке Три, например, он вообразил, что прислуга заподозрила в нём отравителя одного из умерших слуг герцога и потребовал вскрытия покойника.

С 1770 г. он поселился в Париже, и для него наступила более мирная жизнь; но душевного покоя он всё-таки не знал, подозревая заговоры против него или против его сочинений; главой заговора он считал герцога де Шуазеля, который приказал завоевать Корсику будто бы для того, чтобы Руссо не стал законодателем этого острова.

В Париже он окончил свои «Признания» (Confessions). Встревоженный вышедшим в 1765 г. памфлетом («Le sentiment des citoyens»), безжалостно раскрывавшим его прошлое, Руссо пожелал оправдаться путём искреннего, всенародного покаяния и тяжёлого унижения самолюбия. Но себялюбие взяло верх: исповедь превратилась в страстную и пристрастную самозащиту.

Раздражённый ссорой с Юмом, Руссо изменил тон и содержание своих записок, вычеркнул невыгодные для себя места и стал писать вместе с исповедью обвинительный акт против своих неприятелей. К тому же воображение взяло верх над памятью; исповедь превратилась в роман, в неразрывную ткань Wahrheit und Dichtung.

Роман представляет две разнородные части: первая — поэтическая идиллия, излияния поэта, влюблённого в природу, идеализация его любви к г-же де Варан; вторая часть проникнута злобой и подозрительностью, не пощадившей лучших и искреннейших друзей Руссо. Другое написанное в Париже произведение Руссо также имело целью самозащиту, это диалог, озаглавленный «Руссо — судья над Жан-Жаком», где Руссо защищает себя против своего собеседника, «Француза».

Смерть

Летом 1777 г. состояние здоровья Руссо стало внушать его друзьям опасения. Весною 1778 г. один из них, маркиз де Жирарден, увёз его к себе на дачу в Эрменонвиль. В конце июня для него был устроен концерт на острове среди парка; Руссо просил похоронить его в этом месте. 2 июля Руссо внезапно скончался на руках Терезы.

Его желание было исполнено; его могила на острове «Ив» стала привлекать сотни поклонников, видевших в нём жертву общественной тирании и мученика гуманности — представление, выраженное юношей Шиллером в известных стихах, сопоставляющих с Сократом, погибшем от софистов, Руссо, пострадавшего от христиан, которых он пытался сделать людьми. Во время Конвента тело Руссо, одновременно с останками Вольтера, было перенесено в Пантеон, но 20 лет спустя, во время реставрации, два фанатика тайно ночью похитили прах Руссо и бросили его в яму с известью.

Философия Жан-Жака Руссо

Основная статья: Философия Жан-Жака Руссо

Руссо, как проводник новых общественных и политических идеалов, особенно в трёх главных его сочинениях: в «Новой Элоизе», «Эмиле» и «Общественном договоре».

«Новая Элоиза»

В «Письме к д'Аламберу» Руссо называет «Клариссу Гарло» лучшим из романов. Его «Новая Элоиза» написана под очевидным влиянием Ричардсона. Руссо не только взял аналогичный сюжет — трагическую судьбу героини, погибающей в борьбе целомудрия с любовью или соблазном, но и усвоил себе самый стиль чувствительного романа.

«Новая Элоиза» имела невероятный успех; ею везде зачитывались, над нею проливали слезы, обоготворяли её автора.

Форма романа — эпистолярная; он состоит из 163 писем и эпилога. В настоящее время эта форма в значительной степени умаляет интерес чтения, но читателям XVIII века она нравилась, так как письма представляли лучший повод к бесконечным рассуждениям и излияниям во вкусе того времени. Все это было и у Ричардсона.

Личность Руссо

Судьба Руссо, во многом зависевшая от его личных свойств, в свою очередь бросает свет на его личность, темперамент и вкусы, отразившиеся в его сочинениях. Биографу приходится, прежде всего, отметить полное отсутствие правильного учения, поздно и кое-как восполненное чтением.

Юм отказывал Руссо даже в этом, находя, что он мало читал, мало видел и лишён всякой охоты видеть и наблюдать. Руссо не избегнул упрёка в «дилетантизме» даже в тех предметах, которыми он специально занимался — в ботанике и в музыке.

Во всем, чего касался Руссо, он несомненно является блестящим стилистом, но не исследователем истины. Нервная подвижность, под старость превратившаяся в болезненное скитальчество, была из-за любви Руссо к природе. Ему было тесно в городе; он жаждал одиночества, чтобы дать волю грёзам своей фантазии и залечивать раны легко оскорбляемого самолюбия. Это дитя природы не уживалось с людьми и особенно чуждалось «культурного» общества.

Робкий по натуре и неуклюжий по отсутствию воспитания, с прошлым, из-за которого ему приходилось краснеть в «салоне» или объявлять «предрассудками» обычаи и понятия современников, Руссо в то же время знал себе цену, жаждал славы литератора и философа и потому одновременно и страдал в обществе и проклинал его за эти страдания.

Разрыв с обществом был для него тем более неминуем, что он, под влиянием глубокой, врождённой подозрительности и вспыльчивого самолюбия, легко порывал с самыми близкими людьми; разрыв оказывался непоправимым вследствие поразительной «неблагодарности» Руссо, весьма злопамятного, но склонного забывать оказанные ему благодеяния.

Последние два недостатка Руссо в значительной степени находили себе пищу в выдающемся свойстве его, как человека и писателя: в его воображении. Благодаря этой благодетельной фее, он не тяготится одиночеством, ибо всегда окружён милыми созданиями своих грёз: проходя мимо незнакомого дома, он чует в числе его обитателей друга; гуляя по парку, он ожидает приятной встречи.

Особенно разгорается воображение тогда, когда самая обстановка, в которой находится Руссо, неблагоприятна. «Если мне нужно нарисовать весну, — писал Руссо, — необходимо, чтобы вокруг меня была зима; если я желаю нарисовать хороший пейзаж, то надо, чтобы вокруг меня были стены. Если меня посадят в Бастилию, я нарисую отличную картину свободы». Фантазия мирит Руссо с действительностью, утешает его; она даёт ему более сильные наслаждения, чем реальный мир. С её помощью этот жаждавший любви человек, влюблявшийся во всякую знакомую женщину, мог прожить до конца с Терезой, несмотря на постоянные с нею ссоры.

Но та же фея и мучит его, тревожит его опасениями будущих или возможных неприятностей, преувеличивает все мелкие столкновения и заставляет видеть в них злой умысел и коварное намерение. Она представляет ему действительность в том свете, какой соответствует его минутному настроению; сегодня он хвалит написанный с него в Англии портрет, а после ссоры с Юмом находит портрет ужасным, подозревая, что Юм побудил художника представить его в виде отвратительного циклопа. Вместо ненавистной действительности воображение рисует перед ним призрачный мир естественного состояния и образ блаженного человека на лоне природы.

Выходящий из ряда эгоист, Руссо отличался необыкновенным тщеславием и гордыней. Его отзывы о собственном таланте, о достоинстве его сочинений, о его всемирной славе бледнеют перед его способностью любоваться своей личностью. «Я иначе создан, — говорит он, — чем все люди, которых я видел, и совсем не по подобию их». Создав его, природа «уничтожила форму, в которой его отлила». И этот влюблённый в себя эгоист стал красноречивым проповедником и обильным источником любви к человеку и к человечеству!

Век рационализма, то есть господства разума, заменивший собой век богословия, начинается с формулы Декарта: *cogito — ergo sum*; в размышлении, в сознании себя посредством мысли философ усмотрел основу жизни, доказательство её действительности, её смысл. С Руссо начинается век чувства: *exister, pour nous — c'est sentir*, восклицает он: в чувстве заключается суть и смысл жизни. «Я чувствовал раньше, чем мыслил; таков общий удел человечества; я испытывал это сильнее других».

Чувство не только предшествует разуму, оно и преобладает над ним: «если разум составляет основное свойство человека, чувство им руководит...»

«Если первый проблеск рассудка нас ослепляет и искажает предметы перед нашими взорами, то потом, при свете разума, они нам представляются такими, какими нам с самого начала их показывала природа; поэтому удовлетворимся первыми чувствами...» С изменением смысла жизни изменяется оценка мира и человека. Рационалист видит в мире и природе лишь действие разумных законов, достойный изучения великий механизм; чувство научает любоваться природой, восхищаться ею, поклоняться ей.

Рационалист ставит в человеке выше всего силу разума и даёт преимущество тому, кто обладает этой силой; Руссо провозглашает, что тот «лучший человек, кто лучше и сильнее других чувствует».

Рационалист выводит добродетель из разума; Руссо восклицает, что тот достиг нравственного совершенства, кем овладело восторженное удивление перед добродетелью.

Рационализм видит главную цель общества в развитии разума, в просвещении его; чувство ищет счастья, но скоро убеждается, что счастья мало и что его трудно найти.

Рационалист, благоговей перед открытыми им разумными законами, признает мир лучшим из миров; Руссо открывает в мире страдание. Страдание снова, как в средние века, становится основной нотой человеческой жизни. Страдание — первый урок жизни, которому научается ребёнок; страдание есть содержание всей истории человечества. Такая чуткость к страданию, такая болезненная отзывчивость на него есть сострадание. В этом слове — разгадка силы Руссо и его исторического значения.

Как новый Будда, он сделал страдание и сострадание мировым вопросом и стал поворотным пунктом в движении культуры. Здесь получают историческое значение даже ненормальности и слабости его натуры, вызванные им самим превратности его судьбы; страдая, он научился сострадать. Сострадание, в

глазах Руссо — естественное, присущее природе человека чувство; оно так естественно, что даже животные его ощущают.

У Руссо оно, кроме того, развивается под влиянием другого преобладающего в нём свойства — воображения; «жалость, которую нам внушают страдания других, соразмеряется не количеством этого страдания, но чувством, которое мы приписываем страдающим». Сострадание становится для Руссо источником всех благородных порывов и всех социальных добродетелей. «Что такое великодушие, милость, гуманность, как не сострадание, применённое к виновным или к человеческому роду вообще?

Даже расположение (*bienveillance*) и дружба, собственно говоря — результат постоянного сострадания, сосредоточенного на известном предмете; желать, чтобы кто-нибудь не страдал, не значит ли желать, чтобы он был счастлив?» Руссо говорил по опыту: его расположение к Терезе началось с жалости, которую ему внушали шутки и насмешки над ней его сожителей. Умеряя себялюбие, жалость предохраняет от дурных поступков: «пока человек не будет противиться внутреннему голосу жалости, он никому не причинит зла».

Согласно с общим своим воззрением, Руссо ставит жалость в антагонизм с рассудком. Сострадание не только «предшествует разуму» и всякому размышлению, но развитие разума ослабляет сострадание и может его уничтожить. «Сострадание основано на способности человека отождествлять себя с лицом страдающим; но эта способность, чрезвычайно сильная в естественном состоянии, суживается по мере того, как развивается в человеке способность размышлять и человечество вступает в период рассудочного развития (*etat de raisonnement*). Разум порождает себялюбие, размышление укрепляет его; оно отделяет человека от всего, что его тревожит и огорчает. Философия изолирует человека; под её влиянием он шепчет, при виде страдающего человека: погибай, как знаешь — я в безопасности». Чувство, возведённое в высшее правило жизни, отрешённое от размышления, становится у Руссо предметом самопоклонения, умиления перед самим собой и перерождается в чувствительность — сентиментальность. Человек, исполненный нежных чувств, или человек с «прекрасной душой» (*belle ame* — *schöne Seele*) возводится в высший этический и общественный тип. Ему все прощается, с него ничего не взыскивается, он лучше и выше других, ибо «поступки — ничто, все дело в чувствах, а в чувствах он велик».

Потому-то личность и поведение Руссо так полны противоречий: лучшая характеристика его, сделанная Шюке, состоит из одних антитез. «Робкий и наглый, несмелый и циничный, нелёгкий на подъем и трудно сдерживаемый, способный к порывам и быстро впадающий в апатию, вызывающий на борьбу свой век и льстящий ему, проклинаящий свою литературную славу и вместе с тем только и думающий о том, чтобы её отстоять и увеличить, ищущий уединения и жаждущий всемирной известности, бегущий от оказываемого ему внимания и досадающий на его отсутствие, позорящий знатных и живущий в их обществе, прославляющий прелесть независимого существования и не перестающий пользоваться гостеприимством, за которое приходится платить остроумной беседой, мечтающий только о хижинах и обитающий в замках, связавшийся со служанкой и влюбляющийся только в великосветских дам, проповедующий радости семейной жизни и отрекающийся от исполнения отцовского долга, ласкающий чужих детей и отправляющий своих в воспитательный дом, горячо восхваляющий небесное чувство дружбы и ни к кому его не испытывающий, легко себя отдающий и тотчас отступающий, сначала экспансивный и сердечный, потом подозрительный и сердитый — таков Руссо.».

Не меньше противоречий в мнениях и в общественной проповеди Руссо. Признав зловредным влияние наук и художеств, он искал в них душевного отдыха и источника славы. Выступив обличителем театра, он писал для него. Прославив «естественное состояние» и заклеив позором общество и государство, как основанные на обмане и насилии, он провозгласил «общественный порядок священным правом, служащим основой для всех других». Постоянно воюя против разума и размышления, он искал основы «для закономерного» государства в самом отвлечённом рационализме. Ратуя за свободу, он признал единственную свободную страну своего времени несвободной. Вручая народу безусловную верховную власть, он объявил чистую демократию неосуществимой мечтой. Избегая всякого насилия и дрожа при мысли о преследовании, он водрузил во Франции знамя революции. Объясняется все это отчасти тем, что Руссо был великий «стилист», то есть художник пера. Ратуя против предрассудков и пороков культурного общества, прославляя первобытную «простоту», Руссо оставался сыном своего искусственного века.

Чтобы растрогать «прекрасные души», нужна была прекрасная речь, то есть пафос и декламация во вкусе века. Отсюда же вытекал любимый приём Руссо — парадокс. Источником парадоксов Руссо было глубоко встревоженное чувство; но, вместе с тем, это для него и хорошо рассчитанный литературный приём.

Борк приводит, со слов Юма, следующее интересное признание Руссо: чтобы поразить и заинтересовать публику, необходим элемент чудесного; но мифология давно утратила свою эффектность; великаны, маги, феи и герои романов, появившиеся вслед за языческими богами, также не находят более веры; при таких обстоятельствах современному писателю, чтобы достигнуть впечатления, остаётся только прибегнуть к парадоксу. По словам одного из критиков Руссо, он начинал с парадокса, чтобы привлечь толпу, пользовался им как сигналом, чтобы возвестить истину. Расчёт Руссо не был ошибочен.

Благодаря сочетанию страсти с искусством, никто из писателей XVIII в. не имел такого влияния на Францию и Европу, как Руссо. Он преобразовал умы и сердца людей своего века тем, чем он был, и ещё более тем, чем казался.

Для Германии он стал с первых слов смелым мудрецом («Weltweiser»), как его назвал Лессинг: все корифеи расцветавшей тогда литературы и философии Германии — Гёте и Шиллер, Кант и Фихте — находились под непосредственным его влиянием. До сих пор сохраняется там возникшая тогда традиция, и фраза о «беспредельной любви Руссо к человечеству» перешла даже в энциклопедические словари. Биограф Руссо обязан выставлять всю правду — но для историка культуры важна и легенда, получившая творческую силу.

Сочинения Руссо

Оставляя в стороне трактаты специального содержания, посвящённые ботанике, музыке, языкам, а также литературные произведения Руссо — стихотворения, комедии и письма, можно разделить остальные сочинения Руссо на три группы (хронологически они следуют одна за другой именно в этом порядке):

- 1/ обличающие век,
- 2/ наставления,
- 3/ самозащита (об этой группе говорилось выше).

Обличение века

К первой группе относятся оба «Рассуждения» Руссо и его «Письмо к д'Аламберу о театральных зрелищах».

"Рассуждение о влиянии наук и художеств" имеет целью доказать их вред. Хотя самая тема чисто историческая, ссылки на историю у Руссо незначительны: грубая Спарта победила образованные Афины; суровые римляне после того, как при Августе они стали заниматься науками, были побеждены германскими варварами.

Аргументация Руссо преимущественно риторическая и состоит из восклицаний и вопросов. История и юридические науки развращают человека, развёртывая перед ним зрелище человеческих бедствий, насилия и преступлений. Обращаясь к просветлённым умам, раскрывшим человеку тайны мировых законов, Руссо спрашивает их, хуже ли жилось бы человечеству без них? Вредные сами по себе, науки вредны и вследствие мотивов, побуждающих людей предаваться им, ибо главный из этих мотивов — тщеславие. Искусства, кроме того, требуют для своего процветания развития роскоши, развращающей человека. Такова главная мысль «Рассуждения».

Однако в «Рассуждении» весьма заметно проявляется приём, который можно проследить и в других сочинениях Руссо и сравнить, ввиду его музыкальности, со сменой настроения в музыкальной пьесе, где за allegro следует неизменное andante.

Наставления

Во второй части «Рассуждения» Руссо из хулителя наук становится их адвокатом. Просвещеннейший из римлян Цицерон спас Рим; Бэкон был канцлером Англии. Слишком редко государи прибегают к совету

учёных. Пока власть будет в одних руках, а просвещение в других, учёные не будут отличаться возвышенными мыслями, государи — великими подвигами, а народы будут пребывать в развращении и бедствовать. Но это не единственная мораль «Рассуждения».

Ещё глубже врезалась в умы современников мысль Руссо о противоположности добродетели и просвещения и о том, что не просвещение, а добродетель — источник людского блаженства. Эта мысль облечена в молитву, которую Руссо влагает в уста потомкам: «О всемогущий Господь, избавь нас от просвещения отцов наших и приведи нас назад к простоте, невинности и бедности, единственным благам, обуславливающим наше счастье и Тебе угодным». Та же мысль звучит и во второй части, сквозь апологию наук: не завидуя гениям, прославившимся в науке, Руссо противопоставляет им тех, кто, не умея красноречиво говорить, умеет творить благо.

Ещё смелее Руссо в следующем «Рассуждении о происхождении неравенства между людьми». Если первое «Рассуждение», направленное против наук и художеств, которых никто не ненавидел, было академической идиллией, то во втором Руссо страстно коснулся злобы дня и в его речах впервые зазвучала революционная струна века.

Нигде не было так много освящённого обычаем и законом неравенства, как в тогдашнем строе Франции, основанном на привилегиях; нигде не было такого неудовольствия против неравенства, как у самих привилегированных против других привилегированных. Третье сословие, поравнявшись в образовании и богатстве с дворянством, завидовало дворянам вообще, провинциальное дворянство завидовало придворному, дворянство судебное — дворянству военному и т. д. Руссо не только соединил отдельные голоса в общий хор: он дал стремлению к равенству философское основание и поэтически привлекательный облик.

Теоретики государственного права давно носились с представлением о естественном состоянии, чтобы с его помощью объяснить происхождение государства; Руссо сделал это представление общедоступным и популярным. Англичане давно интересовались дикарями: Дефо, в своём «Робинзоне», создал вечно юный, обаятельный образ культурного человека, поставленного лицом к лицу с девственной природой, а миссис Бен в своём романе «Уруоко» выставила дикарей Южной Америки лучшими из людей. Уже в 1721 г. Делиль вывел в комедии дикаря Арлекина, прибывшего откуда-то во Францию и в своей наивности зло глумящегося над её цивилизацией.

Руссо ввёл дикаря в парижские салоны, как предмет умиления; но в то же время он расшевелил в глубине человеческого сердца присущую ему скорбь о потерянном рае и об исчезнувшем золотом веке, поддерживаемую в каждом человеке сладкими воспоминаниями о днях детства и юности.

В первом «Рассуждении» Руссо исторические данные весьма скудны; второе — не столько рассуждение, сколько историческая сказка. Исходная сцена этой сказки — картина жизни первобытного человека. Краски для этой картины заимствованы не из путешествий по Австралии или Южной Америке, а из фантазий.

Известная острота Вольтера, что описание дикарей в сочинении Руссо вызывает желание ходить на четвереньках, даёт, однако, неверное представление о первобытном человеке, каким его изобразил Руссо. Задача его требовала доказать, что искони существовало равенство — и изображение соответствует задаче. Дикари у него — здоровенные и самодовлеющие самцы, живущие одиноко, «без заботы и труда»; женщины, дети, старики не приняты во внимание. Все, что нужно дикарям, даёт им добрая мать-природа; их равенство основано на отрицании всего, что может послужить поводом к неравенству. Первобытные люди Руссо счастливы, потому что, не зная искусственных потребностей, не имеют ни в чём недостатка. Они непорочны, потому что не испытывают страстей и желаний, не нуждаются друг в друге и не мешают друг другу. Итак, добродетель и счастье неразрывно связаны с равенством и исчезают с его исчезновением.

Этой картине первобытного блаженства противопоставляется современное общество, полное бессмысленных предрассудков, пороков и бедствий. Как произошло одно из другого?

Из этого вопроса развилась философия истории Руссо, представляющая собой вывороченную наизнанку историю прогресса человечества.

Философия истории согласно Руссо

Философия истории, то есть осмысленный синтез исторических фактов, стала возможной лишь с помощью людей прогресса и прогрессивного развития. Руссо видит это прогрессивное развитие и даже считает его неизбежным; он указывает его причину, заключающуюся в прирожденной человеку способности к усовершенствованию (*perfectibilité*); но так как Руссо оплакивает результат этого усовершенствования, то он оплакивает и самую причину его. И он её не только оплакивает, но сильнейшим образом осуждает, в пресловутом выражении, что «размышление — противоестественное состояние, размышляющий человек — развращённое животное» (*animal deprave*).

Сообразно с этим история человечества представляет у Руссо ряд ступеней последовательного уклонения от естественного блаженного и непорочного состояния. Руссо совершенно забывает, что, возражая Вольтеру, он нападал на пессимизм и отстаивал Провидение и его проявление в мире; в судьбах человечества для него нет Провидения, и его философия истории сводится к безотраднейшему пессимизму. Первоначальное счастливое состояние людей лишь сильнее оттеняет скорбную историю, пережитую человечеством. В этом состоянии люди жили независимо друг от друга; всякий трудился только для себя и делал сам все, что ему было нужно; если они соединялись, то временно, подобно стае воронов, привлекаемой каким-нибудь общим интересом, например свежеспаханным полем.

Первая беда наступила тогда, когда люди уклонились от мудрого правила жить и трудиться особливо, когда они вступили в общежитие и началось разделение труда. Общежитие ведёт за собой неравенство и служит последнему оправданием; а так как Руссо голосует за равенство, то он осуждает общежитие.

Другой роковой шаг человека заключался в установлении земельной собственности. «Первый, кто огородил участок земли, сказав, что эта земля моя», в глазах Руссо — обманщик, навлёкший бесчисленные беды на человечество; благодетелем людей был бы тот, кто в ту роковую минуту вырвал бы колья и воскликнул: «вы погибли, если забудете, что плоды принадлежат всем, а земля — никому». Возникновение поземельной собственности привело, по Руссо, к неравенству между богатыми и бедными (как будто такого неравенства нет между кочевниками); богатые, заинтересованные в сохранении своего имущества, стали уговаривать бедных установить общественный порядок и законы.

Законы, созданные коварством, превратили случайное насилие в неприкосновенное право, стали оковами для бедных, средством нового обогащения для богатых и, в интересах нескольких эгоистов, обрекли род человеческий на вечный труд, холопство и бедствия. Так как нужно было кому-нибудь наблюдать за исполнением законов, то люди поставили над собой правительство; появилось новое неравенство — сильных и слабых. Правительство было предназначено к тому, чтобы служить обеспечением свободы; но на самом деле правители стали руководиться произволом и присвоили себе наследственную власть. Тогда появилась последняя степень неравенства — различие между господами и рабами. «Открыв и проследив забытые пути, приведшие человека из естественного состояния к общественному», Руссо, по его мнению, показал, «каким образом среди всякого рода философии, гуманности, вежливости и возвышенности правил у нас есть лишь обманчивая и суетная внешность, честь без добродетели, разум без мудрости и удовольствия без счастья». Таково риторическое *allegro* второго «Рассуждения»; *andante* на этот раз последовало не непосредственно за ним, а в статье о «Политической экономии» и других сочинениях.

В статье о «Политической экономии» мы читаем, что «право собственности есть самое священное из всех прав гражданина», что «собственность — истинное основание гражданского общества», а в письме к Бонне Руссо говорит, что хотел лишь указать людям на опасность, которую представляет слишком быстрое движение к прогрессу и на бедственные стороны того состояния, которое отождествляется с усовершенствованием человечества.

О театральных зрелищах

Обе «манеры» Руссо — бурная и благоразумная — следуют одна за другой в «Послании о театральных зрелищах». Руссо был возмущён советом д'Аламбера женецам завести у себя театр: в Руссо пробудился старый гугенотский дух, враждебный зрелищам, и он захотел уберечь своё отечество от подражания развращённому Парижу и от неприятного ему влияния Вольтера.

Едва ли кто-либо из проповедников первых веков христианства бичевал с такой силой, как Руссо, развращающее влияние театральных зрелищ. Театр вносит в жизнь порок и соблазн тем, что он выставляет их напоказ; он совершенно бессилен, когда, сатирой порока или изображением трагической судьбы злодея, хочет прийти на помощь оскорблённой им добродетели. В этой части послания пафос Руссо полон содержания и дышит искренностью. Вслед за тем, однако, он признает театр необходимым, чтобы развлечь народ и отвлечь его от бедствий; воплощая порок в бессмертных типах, театр имеет воспитательное значение; непоследовательно прославлять писателей и презирать тех, кто исполняет их произведения.

Руссо первый призадумался над необходимостью народных празднеств и увеселений; под его влиянием были сделаны первые, малоудачные и искусственные попытки в этом направлении в эпоху революции.